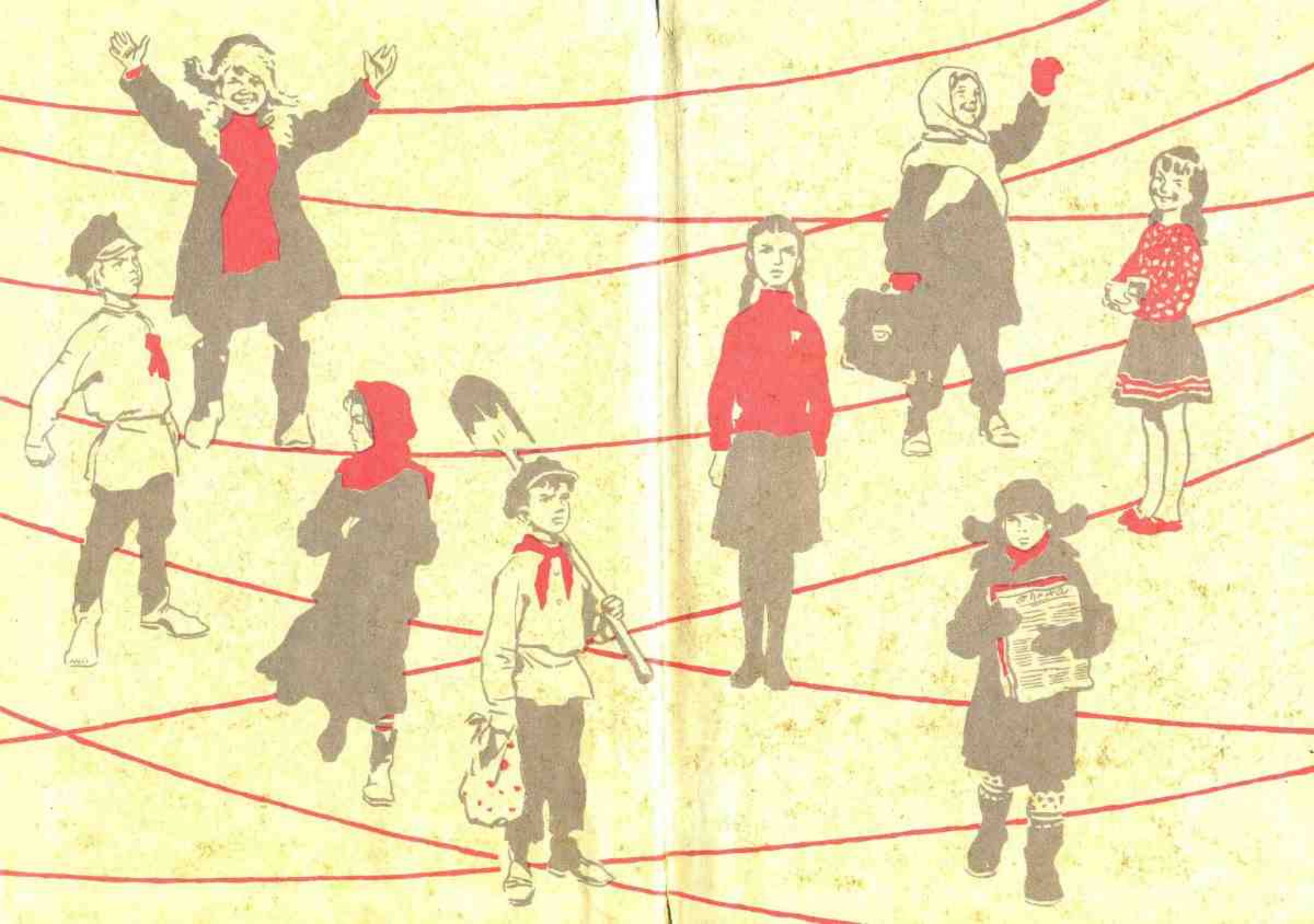

З. Воскресенская

ЯСТРЕБКИ

Дети из

P2

B76

3 Воскресенская

ЯСТРЕБКИ

РАССКАЗЫ

.

Рисунки С. Забалуева

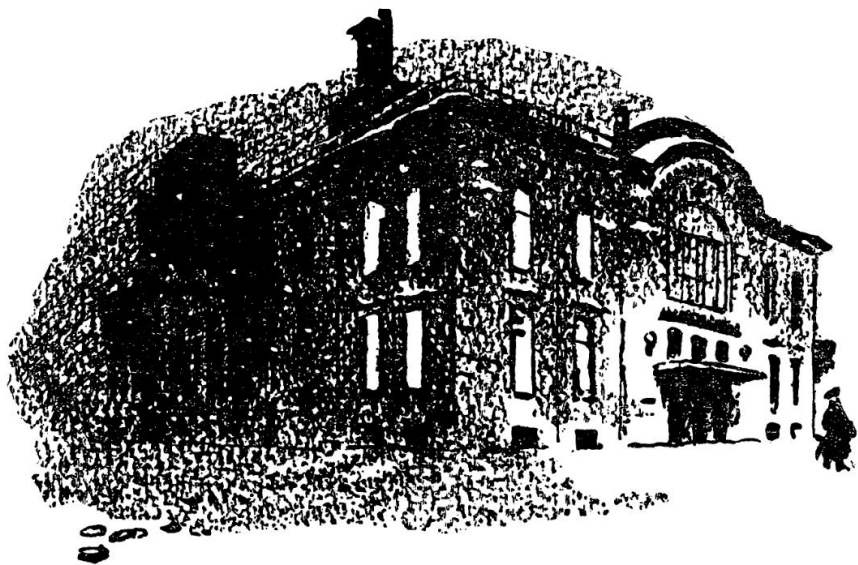
Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

Ястребки — это не птицы и не самолёты. Ястребки — это дети революции, юные помощники партии.

В первой русской революции питерские мальчишки помогали своим отцам в борьбе за свободу. Они охраняли вместе с рабочи-ми-дружинниками митинги, были связны-ми, отвлекали на себя внимание жандар-мов и шпииков, сражались на баррикадах.

За сноровку в деле, смекалку и бесстра-шие рабочие прозвали этих ребят ястреб-ками.

ЯСТРЕБКИ

Василь с ястребками пробирались к Панинскому саду. Егорка заартачился: он уже здесь побывал — хватит! До сих пор помнит, как сторож чуть ухо не оторвал, да вдобавок мать отлупила за порванную рубаху. Это не считая расцарапанных в кустах крыжовника рук.

Василь глянул на него с презрением:

— Бублик с маком! Не может понять: не ба-ловство это. И в саду сейчас ни крыжовника, ни сторожа.

— Просто оробел, — объяснил Ромка и добавил разные другие, не очень приятные для Егорки слова.

Но Егорка лезть в сад отказался наотрез.

Ребята перебирались через высокий кирпичный забор. Мешали валенки — большие, не по ноге. Прыгали в пушистый, глубокий сугроб.

В саду рассыпались вдоль забора. Каждый облюбовал себе «бойницу» — отверстие в кирпичной стене, сделанное просто для красоты, а ребятам это было на пользу. Сквозь отверстия можно увидеть кусочек улицы и переговариваться как по трубе.

Василь занял позицию у второй бойницы от угла.

Ромка устроился на старой кривой иве, что росла напротив Народного дома. Пальцы на руках скоро одеревенели, стыли ноги, но Ромка боялся шевельнуться, чтобы не открыть себя.

У подъезда дома в свете фонарей искрилась снежная пыль. По булыжнику цокал подкованными сапогами городской — хозяин улицы, лютый враг всех мальчишек. Только бы он не заметил Ромку!

Наконец в подвальном помещении засветилось окно. Ромка мигом соскользнул с дерева, выждал, пока городской скроется в конце улицы, и вбежал в подъезд.

В зрительном зале кончился спектакль, и публика стала расходиться; в гардеробе стоял шум и толчея. Вместе со зрителями уходили из Народного дома и делегаты Первой петербургской партийной конференции, которая здесь тайно собиралась.

На втором этаже Ромка приоткрыл дверь в комнату. В комнате было много беспорядочно раздвинутых стульев. Лицом к двери стоял небольшого роста человек с крутым лбом. В бородке и усах рыжинки

поблёскивают, в глазах — золотые искорки. Он надевал пальто и говорил дяде Ефиму:

— Мы очень хорошо поработали сегодня, Ефим Петрович, Голосование показало, что большевики одержали верх.

Ромка хотел закрыть дверь, но говоривший приметил его и спросил:

— Вам кого, молодой человек?

— Мне дядю Ефима, — ответил Ромка и покраснел: до того у него получилось это не по-взрослому.

Ефим Петрович оглянулся.

— Это наш ястребок, Владимир Ильич.. Всё в порядке? — спросил он Ромку.

— Вроде всё.

— Мы можем быть уверены? — спросил Владимир Ильич.

— Да! — твёрдо ответил Ромка и снова почувствовал себя взрослым.

Он выбрался с толпой на улицу, пробежался вдоль забора и прижался спиной ко второй бойнице. Слышно было, как в отверстие в стене кто-то дул и громко дышал. Ромка уловил удобный момент и сердито прошептал Василию в переговорную трубу:

— Скажи, чтоб тихо сидели и не пыхтели. Жди моего сигнала.

Мальцы примолкли, но вот Федюнька начал рассказывать, будто в Питере конку возить будут не живые лошади, а «лектрические» и будто все те кони в шапках-невидимках и по-иностранному называются «трамвай». Федюнька хотел ещё что-то интересное рассказать, но получил от Василя подзатыльник и замолк.

Ромка пристально вглядывался в проходивших людей. Вот уже перестали хлопать двери Народного дома, и улица опустела. Неужели проглядел? Ему

даже жарко стало, и в ушах от напряжения зазвенело. Где-то со стороны Расстанной улицы раздались крики, и туда заспешил городской.

«Наверно, драка», — подумал Ромка.

Из подъезда Народного дома вышли двое. Один был длинный и худой — это дядя Ефим, а во втором, одетом в тёмное пальто и высокую мерлушковую шапку, Ромка узнал человека с золотой искоркой в глазах.

Вот из-за угла вынырнул какой-то барин в долгополом пальто и в котелке, с тросточкой в руках. Мелким, быстрым шагом он пошёл следом за дядей Ефимом и его спутником. Шёл крадучись, как кот, и даже снег не скрипел под его ногами.

Это был шпик.

Ромка знал, что шпик будет теперь как тень следить за спутником дяди Ефима и где-нибудь по дороге укажет на него жандармам, а те арестуют его и посадят в тюрьму.

Время было тяжёлое. Шёл 1906 год, второй год русской революции. Царь не жалел патронов, не скупился на тюрьмы для революционных рабочих. Но рабочие не сдавались.

Ромка пошёл навстречу шпику.

Шпик набавлял ходу. Вдруг перед ним, как изпод земли, вырос парнишка в куртке не по росту и в шапке, надвинутой на глаза.

Дяденька, скажите...

Шпик только рукой махнул:

— А ну тебя!

Но парнишка пошёл рядом, и было ясно, что он не отступит до тех пор, пока не решит занимавший его вопрос.

Так и шагали они бок о бок: жандармский слуга в одежде барина и питерский мальчишка в дырявых

валенках и нищенской одежде, но с чистым и смелым сердцем.

— Дяденька! — вдруг крикнул что есть мочи Ромка, когда они поравнялись с кирпичным забором, и стал на панели, преградив путь врагу.

В то же мгновение с забора стали сваливаться на шпика Ромкины и Василёвы ястребки.

Василь стоял на верху кирпичной стены и командовал:

— Федюнька, сигай ему на спину, дьяволу! Сёмка, забегай вперёд!

— Смелей, не робей! Валяй, поддавай! — подбадривал Ромка.

Федюнька спрыгнул со стены, но его опередил свалившийся с ноги дедов валенок, и кто-то в пылу свалки шибанул этот валенок в сторону.

Василь был уже внизу. Мальцы все вместе окружили барина, что-то кричали, на кого-то

жаловались, замахивались друг на друга кулаками и цеплялись за руки шпики. Шпик пытался оторвать их от себя, высвободиться, ругался и наконец завопил: «Кар-р-аул!» — но его крик потонул в ребачьем галдёже.

Откуда-то появился Егорка. Он схватил валявшийся на панели валенок и с победным криком ринулся в свалку.

Шпик поскользнулся и упал, увлекая за собой ребят, котелок слетел у него с головы.

Ромка выбрался из гурьбы ребят и огляделся. Ему было жарко, он тяжело дышал.

Из темноты выплыла длинная тень. Это возвращался дядя Ефим. Он был уже один.

— Вы чего буяните? — зашумел Ефим Петрович, притворяясь сердитым. — Зачем человека с ног сбили? Вот я вас сейчас! А ну, расходишь!..

Ястребки мгновенно разлетелись в стороны, и дядя Ефим хотел помочь шпику подняться на ноги. Но шпик со злостью оттолкнул его, нахлобучил котелок, который услужливо подал Василь, выхватил из кармана свисток и принялся изо всех сил свистеть.

Городовой не появлялся. Его ещё раньше отвлекли рабочие-дружинники.

Свирепо ругаясь, шпик побежал по направлению к полицейскому околотку.

У стены стоял Федюнька. Он засунул обе ноги в один валенок и не мог двинуться с места. Из-за дедова валенка ему не пришлось участвовать в таком важном деле.

Ромка вырвал валенок у Егорки:

— Тоже храбрый нашёлся — чужим валенком воевать!

Ребята окружили дядю Ефима.

— Беги на угол Расстанной, — приказал Ефим

Петрович Василю, — там рабочий-дружинник Гаврила Иванович стоит, они городского задержали, скажи ему: «Шабаш, всё в порядке».

Василь помчался. Дядя Ефим пошёл по улице. Мальчишки двинулись за ним. Шли молча, поглядывали на дядю Ефима и всё ждали, что он скажет. А он только хитро посмеивался в усы.

— Ну, чего там разговаривать, — наконец сказал он. — Большую помощь дружинникам оказали, важное поручение выполнили. Дорогому человеку помогли. Так-то...

Они шагали сейчас по улице и были её хозяевами.

Порошил снежок.

Старая кривая ива стояла в нарядном инее.

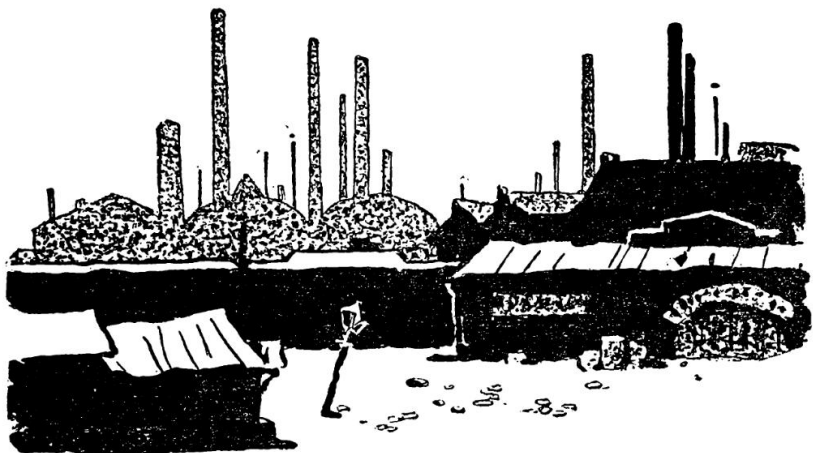
Улица была чистая.

Первое мая! Радостный праздник весны и дружбы. Ты тоже идёшь в рядах демонстрантов с красным флажком в руках. Тебе весело смотреть, как милиционер поворачивает машины на боковые улицы, чтобы не мешать людям, не мешать тебе. Все улицы отданы в этот день праздничному гулянию.

Давай вспомним время, когда рабочие справляли свой праздник тайно, собирались на маёвках в лесу. Не раз разгоняли эти маёвки жандармы, а за красный бант, что носили на груди рабочие и ястребки, можно было жестоко поплатиться.

КРАСНЫЙ БАНТ

Ромка с отцом встали чуть свет и вышли во двор. Свежий майский ветер гулял по улицам, шевелил тощие и ещё голые кусты акаций, сметал с дороги мусор, продувал затхлые улочки и переулки питерских окраин.

Отец и сын сели на скамейку, прислушались. Было тихо-тихо. Вот и солнце встало, но ни один фабричный гудок так и не нарушил праздничного покоя этого утра. Даже конки не позванивают. Заводские трубы не дымят, и небо ясно. Питерские рабочие сегодня бастуют.

— Тишина! — хлопнул Иван Филиппович по плечу сына. — Понимать надо!

Из открытой двери кухни потянуло горячими праздничными пирогами. Мать позвала пить чай. Отец ел и всё прислушивался и говорил:

— Слышишь, мать, какая тишина...

После чая он надел праздничный пиджак, положил в карман аккуратно сложенный красный бант. Под пиджак спрятал полотнище флага. На одной стороне его было написано «Долой самодержавие!», на другой — «Да здравствует Первое мая!».

Ромка не просился идти с отцом, и мать была рада-радешенька. Она и за отца-то волновалась, а за сына вдвойне. Вон полиция как лютует.

Отец подмигнул сыну — действуй, мол, — и ушёл. Матери вдруг стало жалко Ромку.

— Ты бы, сынок, пошёл к голубям, что ли...

Ромка посмотрел на мать — не ослушался ли он? Она всегда ругала его за голубей — и занятие пустое, и крыша-то ветхая, вот-вот обвалится, — а сегодня сама посылает.

Он мигом вскарабкался на крышу, согнал лентяев, притулившихся на коньке. Внезапно, словно вспыхнув на солнце, появился любимец турман. Развернув веером хвост и прижав к телу лапки, голубь кувыркался через голову. Над самой крышей он вдруг расправил крылья и уже хотел было опуститься, но Ромка схватил шест с тряпкой на конце, покрутил над головой, и турман исчез в голубой выси.

Пронзительный свист заставил Ромку оглянуться. Василь в ярко-голубой рубашке, в полосатых плисовых штанах, заправленных в сапоги, стоял у изгороди. Ромка скатился с крыши и побежал в дом.

— Мам, дай новую рубашку, пойду на улицу. Сегодня все гуляют.

— Надевай, — нехотя ответила мать и вынула из сундучка сатиновую, шуршащую, приятно пахнущую новизной рубашку. — Не вздумай только на Невский идти. Угодишь ещё в кутузку.

Ромка переоделся, подвязал рубашку пояском. Кинулся под кровать и вытащил сапоги, по пути сорвал картуз с гвоздя.

— Ромка-а-а! — крикнула мать, распахнув окно. — Ромка-а, вернись!

А он уже исчез, только пыль волновалась над дорогой. Раз взял сапоги, значит, пойдёт на Невский.

Но Ромка и Василь держали путь совсем в другую сторону. Шли они в Волков лес. По дороге завернули к Василию. Выкопали из опилок в сарае пачку красных флажков и банты, разделили их, и каждый засунул свою долю за пазуху.

Около булочной, где работал отец Василя, толпились пекари. По всему переулку вкусно пахло ситным и кислым ржаным хлебом. В день Первого мая пекари постановили не работать, а чтобы народ не остался в праздник без хлеба, выпекли его ночью.

Отец Василя сунул ребятам по баранке и сказал: — В лесу встретимся.

Приятеля свернули на Лиговку. На заборах и стенах всюду белели прокламации, и перед каждой стояли люди.

Ромка и Василь подошли к дому жандармского начальника. Здесь они вчера тоже наклеили листовку. Жандарм, конечно, бастовать не будет, но пусть знает, что рабочий люд не особенно-то его боится.

На дверях жандармского дома листовки не было.

— Наверно, когтями скребли, потом святой водой кропили, — прошептал Ромка. — Я на эту

листовку клейстеру истратил—ужас! Прямо в дверь вросла.

Навстречу ребятам ехала почти пустая конка. Рядом с кучером сидел жандарм, опираясь на саблю. Сегодня кучеров городской конки выводили на работу под оружием. Рабочие предпочитали идти пешком.

Ромка и Василь миновали Волково кладбище, перешли через мост. От речки Волковки мимо еврейского и татарского кладбищ бежали полем до леса.

На опушке собрались ястребки — помощники рабочего-дружинника Ефима Петровича.

— Кажется, все, — оглядев ребят, сказал Ефим Петрович.

Он одёрнул пиджак, приосанился, приколот к отвороту красный бант и торжественно сказал:

— Поздравляю вас, товарищи, с рабочим праздником Первое мая!

— Вас тоже с праздничком! — хором ответили ребята.

Ромка и Василь вытащили из-за пазухи флажки и банты.

Флажки отдали Ефиму Петровичу, а банты раздали ребятам. Теперь все они стали участниками маёвки.

Ромке и Василию дядя Ефим велел засесть у дороги в канавке, заросшей кустарником. Это был очень ответственный пост — передний край. Отсюда была видна дорога до самого моста. По дороге шли люди парами, в одиночку, но шли густо. На опушке их встречали дружинники, спрашивали, кто такие, и пропускали в лес.

Начался митинг. Из лесу доносились рукоплескания, дружный смех, пение «Марсельезы».

Ромка первый увидел, как за мостом по дороге

заклубилась пыль. Вскоре уже можно было различить всадника. На конях на маёвку не ездят. Значит, чужак. Ромка толкнул Василя в бок — смотри, мол, в оба — и пополз по канавке к «штабу», прижавшись к земле, позабыв о своей новой рубашке.

Василь продолжал следить за всадником. Вот он приблизился, и мальчик чуть не ахнул: это был тот самый жандармский начальник, которому они вчера на дверь наклеили прокламацию.

Из лесу донёсся дружный смех. Жандарм круто осадил коня и, перебросив поводья в левую руку, правой принялся крутить ус.

В лесу загремело «ура». Всадник перехватил поводья правой рукой, напряжился, готовясь пустить коня рысью, и в тот же миг перед ним выросли дружинники. Сильные руки стащили жандарма с коня, отобрали оружие.

— Завяжите ему глаза, чтобы он наши личности не заметил! — приказал Ефим Петрович.

Жандарм от ярости лишился было языка, потом лицо его покраснело от злости, и он стал оглушительно ругаться.

— Просим извиненья за беспокойство, ваше благородие, — сказал Ефим Петрович. — Придётся вам сегодня тоже бастовать. День такой.

Дружинники скрутили ему руки и повели в кустарник.

Ромка вернулся на передний край.

...Маёвка продолжалась. Играла гармошка, и под неё лихо отплясывали русскую. В другом конце под гитару пели песни.

А потом снова выступали ораторы с речами о революции, о свободе, о счастье для всех людей.

Кусты орешника были расцвечены флажками. Посреди поляны у знамени стоял Ромкин отец.

Молодой парень, сидевший на пеньке, растянул гармонь, прижался к ней щекой, и все запели:

Пасмурных буден кинем заботы,
Звук позабудем наших цепей,
Каторгу жизни, тяжесть работы,
Праздник майский встретим дружей! ¹

Не успели допеть песню, как на поляну примчались Ромка и Василь.

— Казаки! Казаки на конях!

— Рассыпаться по лесу! — приказал дядя Ефим. Замолкла гармонь. Оборвалась песня. Дружинники унесли знамя. Рабочие побежали в глубь леса.

Ломая кусты и сучья, казаки пробирались на поляну.

Ромка бежал и чувствовал позади себя тяжёлое дыхание. Вот грубая рука схватила его за плечо. Ромка сорвал с себя красный бант и сунул за пазуху.

— А ну-ка, щенок, давай сюда!

Казак отпустил плечо, но резкая боль обожгла Ромкино лицо. Он упал.

— Ах ты, гад! — закричал кто-то из рабочих. — Нагайкой бить!

Рабочий помог Ромке встать, другие оттеснили казака, и все вместе побежали в лес.

Казаки рыскали по лесу. В густом кустарнике они увидели странную фигуру: у человека в жандармской форме были завязаны глаза, руки скручены за спиной, сабля и револьвер болтались на шее. Странная фигура не решалась двинуться с места, видимо боясь наткнуться на дерево. На неё нельзя было смотреть без смеха.

¹ Песня неизвестного автора из первомайской прокламации 1906 года.

Это был пленный жандарм, отпущенный рабочими на свободу.

...Ромка с отцом вернулись домой к вечеру. Мать сидела на крыльце и, пригорюнившись, ждала их. Увидев сына, всплеснула руками. Наискось через Ромкино лицо шёл багровый рубец, правый глаз совсем закрылся.

— Ничего, мать, ничего, не плачь, — успокаивал жену Иван Филиппович. — Парень получил боевое крещение. Понимать надо! Не дал надругаться над рабочим знаменем. Покажи-ка, сынок!

Ромка положил на стол и аккуратно расправил красный бант из кусочка серпанки.

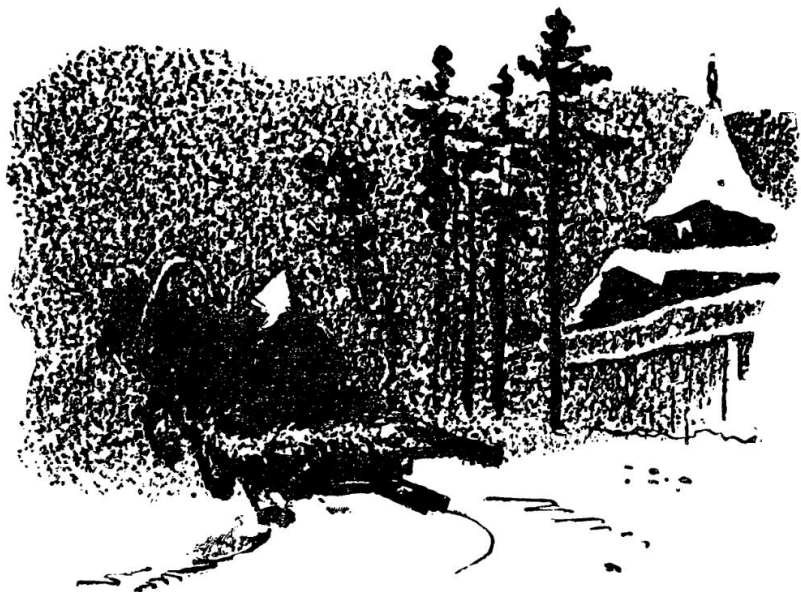

Это было тяжёлое время. Революция 1905 года потерпела поражение. Царь жестоко мстил рабочему классу и его партии.

Большевики ушли в подполье. Владимир Ильич Ленин укрывался в Финляндии. Но, скрытая от глаз жандармов, партия жила и действовала, и рабочий класс ощущал это, как биение собственного сердца.

С нетерпением ждали рабочие каждого номера большевистской газеты, с жадностью читали Ленинское слово. Учились бороться, побеждать.

„МОЧЁНЫЕ ЯБЛОКИ“

Гудит по лесу ветер, гнёт высокие сосны, силится сломить их. Золотистые стволы пружинят изо всех сил, не поддаются ветру, только с кудрявых зелёных макушек сыплется снежная пыль.

Низко над лесом несутся тёмные облака.

Настя идёт против обжигающего ветра. Руки засунуты в рукава. Скрипит под башмаками снег. Гулко и тревожно бьётся сердце.

На вид Насте лет пятнадцать: маленькая, щуплая, того и гляди, ветер унесёт. Кольца волос над

большими серыми глазами и платок вокруг лица опушились инеем. Длинная юбка мешает идти. Короткий материн жакет не придаёт солидности. Девчонка, как есть девчонка. Сегодня у Финляндского вокзала остановил её какой-то дед: «Скажи, девочка, как мне добраться до Невского проспекта?» Настя объяснила совсем по-взрослому, а старик на прощанье сказал: «Дай бог тебе здоровья, девочка». Так и не признал за взрослую. Настя посмотрела обиженными глазами ему вслед: «Знал бы ты, дедушка, по какому важному делу еду, не стал бы так говорить».

Она идёт по плохо укатанной, заснеженной дороге и про себя отмечает: «Вот забор с надписью: «Во дворе злая собака». И впрямь к забору кинулся огромный пёс и кажется, готов разнести частокол и разорвать девчонку в клочья».

На всякий случай Настя перешла на другую сторону.

Михаил Степанович говорил, что потом должна быть красная дача в два окна на улицу, а там недалеко и до дачи «Ваза».

Навстречу мчится парнишка на финских санях. Одной ногой стоит на длинном полозе саней, другой бежит по дороге. Смешно. Кивнул ей головой будто знакомой.

Вот показалась островерхая крыша двухэтажной дачи с разноцветными стёклышками на веранде. Вокруг дачи — мохнатые ели. Девушка оглянулась. Наказ ей дан строжайший: зайти в дом никем не замеченной, не привести, чего доброго, за собой шпика, а статью получить и доставить в срок во что бы то ни стало. На улице ни души, только ветер носится и ревет как оглашенный. Хотела уже свернуть на тропинку, как послышался грозный окрик:

— Эй, берегись!

Настя вздрогнула и заметалась по дороге, побежала назад, словно и не собиралась сворачивать на тропинку, оступилась на обочине и увязла в снегу по колено. Мимо проехали сани, и на девушку глянули из-под башлыка недружелюбные глаза. Сердито топорщились заиндевшие усы.

«Откуда он взялся? Какой сердитый, уж не шпик ли?» Настя долго следила за санями, и чем дальше они удалялись, тем спокойнее становилось на сердце.

Теперь опять можно повернуть к даче «Ваза». Сделала два шага и видит — из калитки вышли двое, мужчина и женщина. Женщина в белых валенках впереди, мужчина в чёрных валенках сзади. Рванул вихрь, женщина отвернула лицо в сторону, мужчина подошёл ближе, заботливо поднял воротник её пальто, взял под руку, и они пошли прямо по снежной целине в лес. Настя пригнулась и сделала вид, что зашнуровывает ботинок. Выждала, пока они скрылись, осмотрелась вокруг и побежала к калитке, потом через двор. Перескакивая через две ступеньки, поднялась на крыльцо. Дощатая дверь с широкой щелью во всю длину легко открылась. В сенях вторая дверь, обитая войлоком. Постучала в планку — ответа нет. Дёрнула за ручку — дверь заперта. «Значит, это они вышли погулять. Боялась опоздать, приехала раньше, вот теперь и жди».

Настя стояла, переминаясь с ноги на ногу. Звякнуло кольцо на калитке. «Вернулись!» И Настя стала вспоминать, что она должна сказать.

— Не надо ли вам мочёных яблок? Не надо ли вам мочёных яблок? — шептала она пароль и отвечала себе: — Если не дорого, возьмём фунта два.

Девушка прильнула к щели двери и тотчас

отпрянула: по расчищенной дорожке, между снеговых стен, шёл высокий человек в башлыке, с заиндевевшими усами.

«Тот самый... Сердитый... Высмотрел... Вернулся... Как же я сразу не скумекала, что он меня выследил?» Настя кинулась подальше от двери, натолкнулась на большой ларь. Приподняла крышку — на дне несколько поленьев. Подумать не успела: некогда было. Прыгнула в ларь и осторожно опустила над собой крышку. Хотела устроиться поудобнее, но сердитый уже вошёл в сени. Настя сжалась в комок.

Пришелец постучал в дверь и стал ходить по сениям взад-вперёд, взад-вперёд, потом подошёл к ларю и остановился.

Настя замерла: «Сейчас откроет... Вскочу и выпарапаю проклятому глаза. Сама привела, сама с ним и расправляюсь».

Крышка ларя затрещала. Настя зажмурила глаза. «Нет, не открыл, а просто уселся на ларь. Постучивает ногу об ногу, наверно, ему тоже холодно. Ну и пусть, хоть бы совсем заоченел. Дура, дурёха, — думала горестно Настя, — ни ростом, ни умом не вышла. Вот и сиди теперь как разнесчастная мышь в мышеловке. Вот тебе и первое партийное поручение...»

Клонит в сон. Нет, спать нельзя, соображать надо, как усатого выпроводить. «Закричу. Он испугается и соскочит с ларя. Я открою крышку и побегу. Схватить не успеет, а как опомнится, я буду бежать в другую сторону от леса. Догонит? Пусть, а беду от этого дома отведу».

Настя глубоко вздохнула, чтобы крик получился погромче, пострашнее, но в это время в сениях загорили.

— Здравствуйте, Надежда Константиновна! Добрый день, Владимир Ильич!

Владимир Ильич? Ленин? Да не ослышалась ли Настя! Так, значит, и человек на ларе не шпик, а свой...

— Вы нас долго ждёте? — слышит Настя голос Надежды Константиновны.

— Минут двадцать. Привёз вам почту.

— Вот хорошо, что мы раньше вернулись, выюжит, а то вы совсем замёрзли бы...

Это голос Владимира Ильича. Это он, он! Вот кого могла бы она подвести, вот почему так строго предупреждал Михаил Степанович об осторожности.

— Заходите обогреться. — Это опять Владимир Ильич.

— Нет, нет, я спешу. Возле вашего дома болталась какая-то подозрительная девчонка. Мне пришлось проехать до конца посёлка, я там оставил лошадь. Благополучно оставаться!

— Спасибо, до свиданья!

В замочной скважине заскрежетал ключ.

Настя собралась с силами:

— Мочёные яблоки... Не нужно ли вам яблок... мочёных?

Прозвучало это глухо и жалостливо.

В следующий миг открылась крышка и над девушкой склонилось встревоженное лицо Владимира Ильича. Прищуренные глаза всматривались в ларь.

— Владимир Ильич... Мочёные яблоки... — всхлипнула Настя.

— Надюша, поддержи-ка почту. — Владимир Ильич подхватил девушку на руки и вынул из ларя.

— Не плачьте, пожалуйста, не плачьте! И мочёные яблоки мы возьмём — фунта два, если не дорого. Боюсь, что это слишком дорого вам обошлось.

Надежда Константиновна спешила открыть дверь.

Владимир Ильич внёс девушку в комнату, усадил на диван, осмотрел её руки.

— Ай-яй-яй, мочёные яблоки стали совсем мороженые.

— Я сейчас вскипачу чай. — И Надежда Константиновна, как была в пальто и шапке, стала разжигать примус. Вскоре под чайником задрожала синяя астра огня.

Надежда Константиновна быстро сняла пальто, переобулась, поставила валенки на печку и принялась разувать девушку.

Владимир Ильич вынул из кармана варежку и стал растирать Настины руки.

Девушка не могла говорить, и её ни о чём не расспрашивали. А слёзы, противные, сами катились по

щекам, и не столько от боли, сколько от досады и стыда.

Надежда Константиновна взглянула на Настины ноги и покачала головой.

— Ещё бы немного — и было бы совсем худо, но, кажется, отделались счастливо.

Пальцы на руках покалывало горячими иголками, а мизинец распух и болел.

Владимир Ильич встал:

— Уфф! А теперь объясните, пожалуйста, для чего вам потребовалось забираться в ларь?

Настя рассказала. Владимир Ильич смеялся до слёз, и Надежда Константиновна, обняв за плечи Настю, смеялась вместе с ним.

— А наш великий конспиратор вас перепугался. «Какая-то, говорит, подозрительная личность ходила возле дачи». Подозрительная личность, — сквозь смех повторил Владимир Ильич.

«И вовсе не личность, а девчонка, и глупая притом», — подумала Настя.

— А сколько вам лет? — поинтересовался Владимир Ильич, глянув на распухшее от слёз и холода лицо девушки.

— Семнадцатый... — не совсем уверенно ответила Настя и покраснела.

— Я так и думал.

И Настя не могла понять, что хотел сказать этим Владимир Ильич.

— Так вы приехали за моей статьёй для «Пролетария»? Я так вас понял?

— Да-да. Михаил Степанович велел её доставить к вечеру, и я должна немедленно ехать. Я уже могу...

— А статья-то у меня ещё не готова, да-с, не готова, — произнёс виноватым голосом Владимир

Ильич. — Мне понадобится ещё часа два-три, не меньше. Как ты думаешь, Надюша?

Надежда Константиновна посмотрела на пунцовые ноги девушки и подтвердила:

— Да, я думаю, часа три.

— Как же так — не готова? — недоверчиво спросила Настя. — Михаил Степанович говорил, что статья должна быть готова.

— Непредвиденные обстоятельства, — пожал плечами Владимир Ильич. — Замешкался... Прогулял... Пока я закончу, вы можете поспать. Вам архинеобходимо вздремнуть. Как только я справлюсь, мы вас разбудим.

Настя села пить чай с Надеждой Константиновной, Владимир Ильич устроился в соседней комнате писать.

«Значит, и вправду не закончил», — решила Настя. Её оттаявшие волосы завивались кольцами на лбу, шпильки из пучка выпали, и две коротенькие косы болтались по плечам.

А потом Настя покорно положила голову на подушку, подsunутую ей Надеждой Константиновной, с наслаждением вытянула ноги под тёплым одеялом и не помнила, как заснула.

Разбудил её Владимир Ильич:

— Вам пора ехать. Если только ноги не болят.

Нет-нет! — вскочила Настя.

И, кстати, — продолжал Владимир Ильич, — я не только эту статью закончил, но написал вторую, весьма и весьма нужную.

Настя шла по улице. Ветер дул ей в спину и словно подгонял её. Белые и такие тёплые валенки хрустывали по снегу. Руки в тех самых варежках, которыми ей растирал пальцы Владимир Ильич, чуть пощипывало, но не от холода, а от тепла. Вот

только болел забинтованный мизинец на правой руке.

За забором лает пегая собака, громко лает, но не страшно.

— Вы, девушка, не бойтесь, она не кусается! — кричит ей кто-то из-за забора.

— А я и не боюсь, — отвечает Настя.

Ей не страшно. Вот идёт мужчина с сундучком железнодорожника в руках.

«Наверно, со смены идёт. Ну, и пускай себе идёт. Он по своим делам, я по своим. Не все же шпики на свете, хороших людей куда больше».

Под суконным жакетом на груди у Насти прижаты две статьи Ильича для большевистской газеты «Пролетарий».

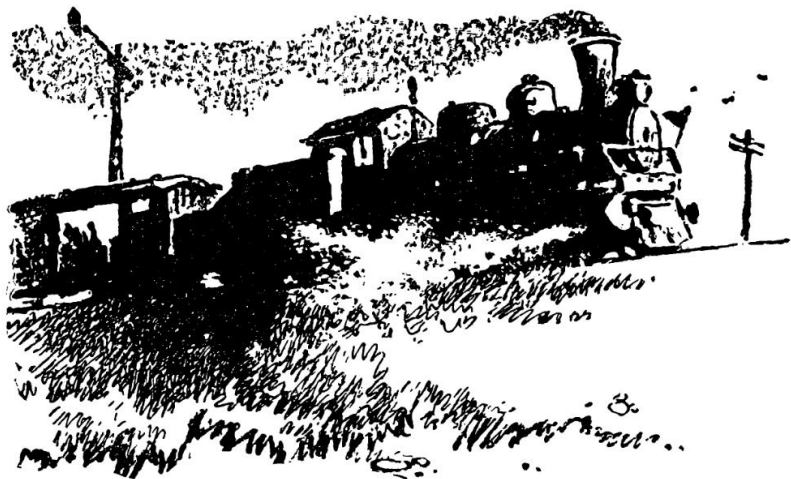

Отгремели бои на фронтах гражданской войны.

Полным ходом шло у нас мирное строительство, когда в 1923 году вспыхнули революционные бои в Германии. Бастовали рурские шахтёры, в Гамбурге и Берлине рабочие сражались на баррикадах.

Мальчишки и девчонки в красных галстуках, юноши и девушки с комсомольскими значками на груди осаждали райкомы комсомола, требовали послать их в Германию на помощь революции.

„РОТ ФРОНТ“

1

Ночью Женька проснулся от боли в животе. Пошарил ногой, нащупал мягкую, тёплую шерсть, ухватил за шкурку Керзона и сунул себе под бок. Керзон привык к обязанности обогреть Женькин живот; он перебрал лапками, покорно улёгся и замурлыкал.

Боль затихала. Женька блаженно дремал и готов был опять нырнуть в сон, как вдруг услышал такое, от чего спать сразу расхотелось.

— Правильно! Медлить нельзя, иначе революция погибнет!

Это сказала Зинка.

Женька открыл глаза. На окне двумя неровными коптящими рогами догорала лампа. Над столом склонились две головы: Зинкина и Бориса.

— Тс-с-с! — приложил палец к губам Борис.

Оба взглянули в угол, где на сундуке, рядом с кроватью матери, спал Женька. Свет керосиновой лампы не достигал тёмного угла, и Зинка с Борисом опять зашептались.

— В Руре рабочие сражаются с полицией... — доносился тихий голос Бориса. — В Берлине баррикадные бои... В Тюрингии и Саксонии власть Советов... Наши сердца с германским пролетариатом... поможем германской революции...

— Закончить надо приветствием Эрнсту Тельману, — добавила Зинка.

— Это само собой!

Женька спихнул Керзона на пол — живот больше не болел, и он понял, что ему медлить тоже нельзя.

— Будет на вас угомон, полуночники? — спросила сонным голосом мать.

— Я пойду, — спохватился Борис. — Сбор в райкоме, поезд подадут к депо.

— А если она не пустит? — Зинка кивнула головой на мать.

«Вот шляпа, — подумал Женька, — такое дело, а она — «мама не пустит».

Ответа он не расслышал.

Борис аккуратно сложил большой лист бумаги и сунул его за картину, где лежали выкройки.

— Не забудь взять, — предупредил он.

Зинка кивнула головой.

Противно запахло керосиновой копотью — это сестра задула лампу. На сером фоне окна видно бы-

ло, как Зинка приподнялась на цыпочки и поцеловала Бориса. Женька разочарованно вздохнул: «Эх, Борис, с кем целуется! С Колчаком дрался, от самого Фрунзе револьвер с надписью получил, и такие телячьи нежности».

Он закрыл глаза. Сон только того и ждал.

2

Учительница объясняла про варягов и греков, а Женька думал — кому он может доверить свою тайну. В классе три пионера — это если не считать самого Женьки. Кому же? Янеку? Янек хороший товарищ, отлично учится, но уж больно дисциплинированный, в драке держится в стороне... Косте? Тот самым нечестным образом переманивает у Женьки голубей, и потом, у него слабая грудь — такого дела ему не осилить... Наташке? Вон она сидит на последней парте. Ну уж нет, куда ей, она всего боится: однажды ей на плечо с берёзы упала серёжка, а она вообразила, что это гусеница, и так завизжала!

Но не может же человек ходить с тайной в груди!

На перемене Женька успел шепнуть Янеку, что есть важный разговор и чтобы тот после пионерского сбора приходил на сеновал, а пока пусть терпит и ни о чём не расспрашивает.

3

После уроков все четверо побежали на завод, в пионеротряд. Ещё до окончания смены пришли в жестяный цех. В цеху стоит весёлый звон и дязг. Мерно скользят снизу вверх и опять вниз широкие приводные ремни. Рабочие окунают чёрные железные листы в ванну с расплавленным цинком, а об-

ратно большими щипцами вынимают отливающие серебром листы. Визжат, скрежещут огромные ножицы, из-под них выползают выкроенные вёдра, бидоны. Жестянщики в своё удовольствие колотят на куске рельса по этим выкройкам, загибают их, делают пазы, сцепляют, и вот уже на тележке едут к паяльщикам блестящие вёдра, бидоны, умывальники.

Вожатая Зинка сидит на низенькой скамейке перед печкой, вытаскивает рдеющий паяльник, подносит к нему светло-серую палочку и ловко направляет струйку олова на шов. Прогладит шов паяльником, обведёт им вокруг дна — и ведро готово. Здорово!

Загудел гудок, придавил заводские шумы. Ремни пошлёпали по валам и повисли. Выключили воздухоудку — пламя в печах перестало реветь и сникло.

Зинка оглянулась на пионеров, вскинула над головой руку в салюте, живо сложила инструмент, сдёрнула с себя большой фартук. «Айда в клуб!» — и зацокала по каменным ступенькам деревянными башмаками.

Ребята за ней.

Комсомольцы и пионеры готовились к празднику — к шестой годовщине Октября.

В клубе шума было ещё больше.

В музкомнате играл струнный оркестр. В другой — шла спевка хора. На сцене началась репетиция. Разучивался «Левый марш» Маяковского. Наташка вышла в бумажной короне и с большой книжкой в руках.

Борис из-за сцены кричал:

Эй, девчонка, брось читать сказки!

Миша ласково уговаривал:

Не мечтай стать королевой.

А выстроившиеся в ряд комсомольцы в синих блузах звали её:

Шагай с нами,
 левой!
 левой!
 левой!

В середине зрительного зала стулья были раздвинуты, и комсомольцы строили живую пирамиду. Женька должен был её венчать. Он живо взобрался на плечи парням, затем ещё выше — на плечи двух девушек и, выпрямившись, развернул красное знамя, да так стремительно, что чуть не разрушил пирамиды.

4

Дома Женька швырнул сумку с книжками под стол, выхватил из-за картины Борисову бумагу и рассыпал выкройки. Собирать их было некогда.

— Жень, опять бежишь? Поешь что-нибудь и так костями гремишь, в чём только душа держится. Последних слов матери Женька не слышал.

На сеновале его ждал Янек. Едва переведя дух, Женька торжествующе выпалил:

— Комсомольцы едут спасать германскую революцию. Сегодня ночью. Честное пионерское. Слышал сам. Провалиться мне на этом месте, если вру. Сам Жорка — секретарь райкома — едет.

Янек посмотрел на него широко раскрытыми глазами:

— А мы?

— Вот то-то — мы. Соображать надо. — Женька положил на сено книжку, похожую на сдвинутую гармонь. — Посмотрим, что за штука.

Книжка не листалась, её пришлось развернуть, как большой плакат. Из середины выпала выкройка рукава.

Это была политическая карта Германии, вся испещрённая флажками, нарисованными красным карандашом. Особенно густо флажки покрывали Рурский бассейн, Саксонию, Тюрингию. Флажками были окружены Берлин и Гамбург.

— Военная карта! — ахнул Женька. — Как у самого Ленина в Смольном. Без карты никак нам нельзя. Давай-ка поищем, где у них там Зимний дворец...

Он прищурил и без того маленькие чёрные глазки и принялся всматриваться в большой синий кружок, над которым стояло слово «Берлин», но ничего не увидел.

— Так едем? — спросил Женька.

— Раз они едут, нам тоже надо, — нерешительно согласился Янек.

— Они комсомольские билеты с собой возьмут, а мы с чем явимся?

— У нас пионерские галстуки, — резонно сказал Янек.

— Этого мало. Надо, чтобы с фотографией, честь по чести, как мандат.

Женька повернулся на спину и стал соображать. Перед его глазами на балке пузырилось серое осиное гнездо.

— Вот тоже буржуи твердолобые. Сколько ни уничтожай — всё равно свои гнёзда лепят. — Он вынул из кармана нож, сделанный из расплющен-

ного под паровозом гвоздя, срезал гнездо и брезгливо выкинул в слуховое окно. — Придумал, придумал! — вдруг воскликнул он и принялся что-то шептать на ухо Янеку.

У того лицо расплылось в довольной улыбке. Женька от радости даже стойку на голове сделал, шлёпнулся на сено и заболтал ногами.

— А какую шамовку с собой возьмём? Комсомольцы берут на сутки. — Женька вспомнил ночной разговор у коптящей лампы. — В газетах пишут — голод в Германии. Наверно, как у нас в позапрошлом году. Германским рабочим есть нечего, а мы сейчас каждое воскресенье булки белые сладким чаем запиваем. Срамота!.. А булки такие тёплые, душистые, с зажаристым хребтом. — Эти слова Женька произнёс мечтательно и мрачно добавил: — Только в прошлом году я этих булок объелся, и с тех пор у меня живот болит.

— У них, наверно, и сала нет, — сказал Янек, — а у нас в чулане вот какой кусище висит. Спрошу у матери.

— Просить нельзя, тайну выдашь. Самому взять надо.

— Пионерам воровать нельзя, — возразил Янек.

— Так это не воровство, если для мировой революции. Мы же не сами есть будем.

Янек упорствовал:

— Всё равно нельзя!

— Зинка даже своё колечко, хорошенькое такое, с голубым камешком, — ей бабушка подарила — русским горнякам послала. Не пожалела.

— И я бы тоже отдал, — отозвался Янек, — если бы оно моё было.

— Я б не только колечко, я бы всех голубей пожертвовал, вот честное пионерское! Только их не

берут... Давай письмо писать и под сено подложим. К весне корова сено съест, письмо найдут и узнают, что мы погибли не зря.

— А мы должны погибнуть? — спросил Янек дрогнувшим голосом.

— А как ты думал? Это тебе не груши околачивать. Мы должны как в песне: «И как один умрём в борьбе за это!»

— За что? — спросил Янек.

— За германский рабочий класс, за мировую революцию...

Женька лёг на живот, оторвал кусок от маминой выкройки, послунывил огрызок карандаша и стал писать:

«Дорогие родители! Мы поехали спасать германскую революцию. Когда погибнем — не плачьте».

— Вот и всё. Писать больше нечего, а то они от телячьих нежностей будут только больше расстраиваться.

Женька перечитал письмо и подписался. Янек, низко наклонившись над бумагой, долго выводил

свою подпись. Женьке слышалось, что он всхлипывает.

— Ты чего? — поднял он голову приятеля.

— Мне бы хотелось, чтобы и революция победила, и чтобы мы живы остались, и чтобы я потом с папой поехал освобождать нашу Ригу от буржуев.

Женька задумался.

— Может быть, и не погибнем! Вот Борис с самим Колчаком дрался и не погиб. — Женька развернул письмо, зачеркнул одно слово и надписал над ним другое. Получилось: «Если погибнем — не плачьте». — Я с тобой тоже поеду твою Ригу освобождать, обязательно поеду,

5

Ещё на крыльце Женька услышал, как расшумелась Зинка. Пропала карта, и Керзон порвал бумажные выкройки. Один рукав — самый трудный — исчез бесследно.

В наказание мать спустила Керзона в погреб, чтобы он там ловил мышей и не шкодил в комнате. Зинка грозилась унести его в лес и оставить волкам на съедение.

— Настоящий империалист, — бранилась она.

Мать с сестрой шарили по всем углам, разыскивая выкройку и карту.

Женька, от греха подальше, пробежал в кухню, открыл крышку погреба и мигом спустился вниз. Выбрался обратно с Керзоном на руках — кот сидел на странно оттопырившемся животе хозяина. Картошку Женька закопал в сено и, прижимая к себе Керзона, завернул за ворота.

— Эх, дурак ты, дурак, — говорил Женька своему любимцу, — не мог сбежать. Какой из тебя лорд Керзон? Не бойсь, я тебя в обиду не дам.

Женька постучал в окно к Наташке и вызвал её на крыльцо.

— На, возьми... Хороший он, настоящий сибирский, и вовсе не шкода и не империалист. Ты ему другое имя дай, не позорь кота. А если на другое имя отзываться не будет, поточи нож о сковородку или плиту — будто мясо резать собираешься, он мигом явится.

— А почему ты его отдаёшь? — спросила опешившая от удивления Наташа.

— Потом узнаешь.

И он исчез.

6

После ужина Зинка не пошла в клуб, сказала больно́й. Женька одетый нырнул под одеяло и боялся закрыть глаза, чтобы его не подкараулил сон. Мать подивилась, что это случилось с её детьми, и сама легла спать пораньше.

Ходи́ки тикали особенно громко.

«Чего же она не идёт? — тревожился Женька. — Неужели не поедут? Может быть, заснула и я вместе с ней на бобах останусь?» Но вот скрипнула за шкафом кровать, и тут же распахнулось окно. Зинкина тень качнулась на подоконнике и нырнула в темноту. Из сада потянуло сыростью, запахом опавших листьев.

— Кто это окно открыл? Простудитесь! — сказала мать, встала, закрыла окно и задвинула шпингалет. — Убежала-таки, не выдержала, — проворчала она.

«Всё пропало, — похолодел Женька. — Шпингалеты тугие, визжат, когда их вытягиваешь. — Он сосчитал до ста, сполз с сундука, взял в руки санда-

лии, пробежал на цыпочках в кухню, откинул крюк и вышел через дверь. — Никакие воры не заберутся. Откуда им знать, что у нас сегодня дверь не запёрта».

На улице было холодно. Над садами висела туманная дымка, и сквозь неё проглядывало расплывчатое лицо луны. Влажные листья яблонь шлёпали по щекам. У Женьки дробно застучали зубы.

Янека за воротами не было. Женька опять стал считать до ста. «Не придёт — пойду один... Проспал? Сдрейфил? Восемьдесят, восемьдесят один...» Женька нарочно не спешил считать.

Вот он, бежит.

— Ты чего? — накинулся Женька на приятеля.

Но выяснять было некогда, а Янек не хотел признаваться, как трудно ему было уйти без разрешения из дома.

В ночной тишине пыхтели маневровые паровозы, ощупью перебирали по рельсам колёсами. Как светляки, мерцали зелёные и красные фонари стрелочников. Обходя подальше огни, ребята добрались до депо. У поворотного круга стоял готовый поезд из теплушек. Двери вагонов были раздвинуты, под потолком покачивались фонари, освещая белые новенькие скамейки.

— Этот самый, — прошептал Женька.

Вдоль поезда шёл составитель с фонарём и постукивал молоточком по буксам; проверял, есть ли смазка. Вот он прошёл в хвост — можно забираться. Ребята облюбовали головной вагон: свет фонаря у депо его не освещал.

Женька кинул в вагон узелок с картошкой и,

ухватившись за край железной рейки, по которой двигалась дверь, подтянулся. За ним — Янек.

В вагоне Женька по-хозяйски огляделся.

— Считай, что мы уже в Германии. Залезем под скамейку в угол, ни один чёрт не увидит. Вылезем только в Берлине. Выдержишь?

— Выдержу, — твёрдо ответил Янек.

— Если захочешь чихнуть, нажми пальцем под носом, и чих пройдёт. Одолеет кашель — глотай слюну. Ну, давай устраиваться.

Ребята растянулись плашмя под скамейкой — голова к голове. Женька вытянул ноги и зацепил за какую-то деревяшку. Деревяшка сдвинулась с места — звякнуло железо.

— Под скамейками винтовки, осторожно, — прошептал Женька, — я как двинул ногой о приклад... Эх, взять бы по одной винтовочке, да куда спрячешь?

Помолчали.

— Жалко, что языка ихнего не знаем. Одно слово «камрад».

— Я знаю, — сказал Янек. — «Рот фронт» — это всё равно что «Будь готов». Только они поднимают сжатый кулак, что значит: все вместе, дружно. Мне отец объяснял. «Нидер мит дем империализмус!» — это значит: «Долой империализм!»

— «Рот фронт», — несколько раз повторил Женька и сжал кулак.

Вагон сильно трянуло.

— Прицепили паровоз. Теперь скоро, — сказал Женька.

Он лежал и думал о том, что его ждёт. Может быть, выпадет такое счастье сразиться с самим их буржуйским правителем Штреземаном. Сразиться и победить.

— Янка, как сказать по-немецки «Подыхай, старая крыса»?

Этого Янек не знал. Он думал о матери. Надо было бы спросить её, может быть, и отпустила. Но теперь поздно.

Женька вытягивал поочерёдно ноги и щупал приклады; чуть звякали штыки.

«Трёхлинейные», — подумал он восхищённо и, представив себе, как он с винтовкой в руках кинется в атаку, чуть не крикнул: «Нидер мит дем империализмус!» — но у вагонов захрустел гравий, будто табун коней овёс жевал.

— Идут! — шепнул он. — Теперь ни гугу!

Послышалась команда Жоры «построиться», а потом — «грузиться». Зашаркали ноги. Вагон стал заполняться. Над самой головой Женьки заговорили девчата. В голосе одной из них он узнал Зинку. «И здесь она! Значит, и Борис в этом вагоне».

Перед глазами «зайцев» мелькали ноги, обутые в чувяки, в туфли на верёвочной подошве, в сандалии. Проскрипели кожаные башмаки — это фронтовики.

Комсомольцы рассаживались по скамейкам. В вагоне стало шумно. Слышно было, как постукивали в стену молотком.

— Ребята, бюллетень сегодня был? — спросил кто-то.

— Нет, не было.

Женька и Янек потёрлись лбами. Раз бюллетеня не было, значит, в здоровье Владимира Ильича никаких ухудшений нет, значит, дело идёт на поправку. «Как Ильич?» — было первым вопросом по утрам в школе, в пионеротряде, в комсомольском клубе, на заводе — везде, повсюду.

Молоток постукивал. Комсомольцы прикрепляли к стене портрет Ильича.

— Эх, если бы Ильич здоров был, и Тельману было бы легче и германскому пролетариату веселее. — Это сказал Борис.

Вагон дёрнуло, и ребята чуть не вывалились из-под скамейки. Загромыхали винтовки, и один приклад больно ударил Женьку по ноге, по самой косточке.

Поехали!.. Сердце у Женьки забилося громко, как маятник у ходиков ночью.

В вагоне заговорили все разом, не разберёшь, потом все примолкли. Поезд шёл мимо комсомольского клуба.

— А клуб-то мы отмахали на ять!

— На большой палец!

— А был-то просто склад и даже без пола.

Женька понял, что комсомольцы прощаются со своим клубом, куда они больше не вернутся, и ему самому до слёз стало жаль расставаться с клубом, и он подумал о том, что кто-то другой, а не он будет венчать пирамиду физкультурников 7 Ноября.

— Я не боюсь смерти! — Это говорил Миша Лившиц. — Я, ребята, согласен погибнуть на баррикадах, готов сколько угодно пролежать в могиле, но чтобы при коммунизме меня разбудили хоть на минутку. Я посмотрел бы, что и как, и тогда согласился бы умереть навеки.

«Я тоже», — подумал Женька и тронул лбом голову Янека.

Янек кивнул головой, согласен, мол.

— Миш, расскажи. что ты увидишь, когда тебя разбудят? Только не знаю, добудятся ли тебя. Поспать ты любишь.

— Первого увижу тебя, Борис, тебя — мирового насмешника.

— Нет, я серьёзно. Скажи, как ты узнаешь, что

на земле наступил коммунизм, — по витринам, по домам?

— Скажи, скажи, Миша, — просили ребята.

Миша помолчал:

— Я пройдуся по улицам нашего города, я не посмотрю ни на дома, ни на витрины, я загляну в глаза людям. И, если не увижу в них страха, не увижу недоверия, равнодушия, я пойму, что на земле коммунизм!.. Вот тогда я скажу...

— ...«чёрт возьми», скажешь ты, — перебил его Борис, — а ведь мне вовсе нежелательно умирать навеки, разрешите, дорогие товарищи, пожить при коммунизме!

— Факт, — согласился Миша.

Кругом засмеялись, и Женька понял, что ему тоже не хочется умирать.

— Давайте споем, — предложил Борис. — Слышите, в других вагонах поют.

Вдохнула гармонь.

Наш паровоз, вперёд лети
В Коммуне остановка,
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.

— Кстати, о винтовке, — вспомнил Борис, — послезавтра нам сдавать экзамен по боевой подготовке. Давайте-ка повторим... Видите?

— Видим, — ответили хором комсомольцы.

Женька и Янек ничего не видели, кроме теней от болтающихся ног.

— Это револьвер системы «наган». Как называется эта часть?

Женька слушал внимательно, но понять не мог. Чего только в этом нагане не было: и барабан, и ствол, и мушка. И как Женька ни закрывал по

команде Бориса левый глаз и как ни старался представить себе мушку, летающую в какой-то прорези, — изучить материальную часть нагана, лёжа под скамейкой, он так и не смог. Янек тоже сердито вздыхал.

— Боря, расскажи, как вы Колчака надули...

Поезд стал замедлять ход. Колёса на стыках рельсов стучали всё реже и реже. Вот паровоз, словно выбившись из сил, спустил пары и остановился.

8

Что такое? Почему остановка?

Кто-то приоткрыл пошире дверь.

— Уже станция Средняя.

— Выходи-и-и! — прозвучала команда.

Комсомольцы стали выпрыгивать из вагона.

Рассветало. В открытые двери Женьке было видно бесконечное мокрое поле с пожухлой картофельной ботвой. Пахнуло сыростью. Утро было пасмурное.

Борис спрыгнул последним.

Женька зашептал:

— Станция Средняя. Рядом артсклад. Понимаешь? Оружие будут давать, наверно, всем не хватило.

— А мы выйдем? — спросил Янек.

— Нет, подождём, чего доброго, обратно вернут.

Комсомольцы строились на насыпи перед вагонами. Секретарь райкома начал перекличку.

— Борис Лещинин!

— Здесь!

— Васильева Зина!

— Я!

- Миша Лившиц!
- Он самый!
- Володя Бобров!
- Да!
- Ваня Матвеев!

Молчание.

- Матвеев, где ты?

Женька видел, как комсомольцы поворачивали головы, ища по рядам Ивана.

— Ванька был на сборе, а по пути куда-то исчез, — крикнул Володя Бобров.

— Может быть, отстал? Ногу поранил? Надо было проверить при посадке.

— Итак, мы вычёркиваем Ивана Матвеева из списка. На одного бойца будет меньше, — сказал Жора Спичкин.

9

Женька не помнил, как он вылез из-под скамейки, как подбежал к открытым дверям теплушки и крикнул:

— Нет, не будет на одного бойца меньше. Запишите меня!

Ряды смешались. Все головы повернулись к головному вагону.

— Это что за шкет? — спросил удивлённо Жора. — Откуда взялся?

— Я вместо Ивана Матвеева, — твёрдо ответил Женька, спрыгивая на землю.

— Подойди-ка сюда! — подозвал его Жора.

Комсомольцы посмеивались.

Женька одёрнул рубашку, захватил с пола вагона узелок и подошёл красноармейским шагом. Когда он проходил мимо Зинки, она зашипела: «Ты с ума

сошёл, вот отправят обратно пешком, будешь знать», но Женька даже глазом не моргнул.

— Ты комсомолец? — строго спросил Жора.

— Нет, комсомольского билета у меня нет, но у меня есть вот что... — Женька положил узелок с картошкой на песок, вынул из-за пазухи кусок картона и протянул его секретарю.

Жора принялся внимательно рассматривать. Глаза его смеялись.

— Это что же?

— Не видите? — удивился Женька. — Вот Владимир Ильич Ленин, а вот я. — И Женька ткнул пальцем в фотографию.

Жора присмотрелся. Это была фотография первого пионерского отряда в Заречье. Двадцать босых мальчишек и три девчонки с пионерскими галстуками на шее окружили большой портрет Ильича. Одни выглядывали поверх рамы, другие сидели, прижавшись к портрету. Женька стоял сбоку у самого портрета, как часовой.

— Этого вам что, мало? — спросил он внушительно.

— Нет, вполне подходяще, — ответил Жора. — Ну что же, ребята, внесём в список нового бойца нашего отряда. Как зовут тебя? — спросил он Женьку.

— Евгений Васильев.

— ...бойца Евгения Васильева. — И Жора оглядел ряды. — Парень он вроде неплохой, рядом с Владимиром Ильичём Лениным сфотографирован.

— Записывай! — раздались голоса.

Женька облегчённо вздохнул и оглянулся на вагон.

— Ну, тогда и моего дружка Янека записывайте. Я за него ручаюсь, он тоже на этой фотографии есть и немецкий язык знает, может быть переводчиком.

Янек смущённый появился в дверях вагона.

— Может быть, у тебя там и другие дружки есть, давай и остальных.

— Нет, мы больше никого не взяли. Не все справятся с таким делом.

— А ты справишься?

— Если винтовку дадите, небось не оробею.

— Зачем же тебе винтовка?

— Что же, с голыми руками на буржуёв идти? Вы с винтовками, а мы так?

— Понимаю, — задумчиво сказал Жора. — Вот где мы только тебе винтовку возьмём?

— А под скамейками в вагонах вон сколько навалено, и артсклад рядом.

— Значит, и этот секрет открыл?

Женька помялся. Комсомольцы сдержанно смеялись.

— А что у тебя за узелок?

— Картошка там.

— Так много? Тебе на целую неделю хватит.

— Мы хотели с германскими ребятами поделиться, им на голодное брюхо трудно приходится.

— Скольких же ребят ты можешь накормить твоей картошкой?

Женька быстро сосчитал в уме.

— Семь человек.

— А в Германии голодают тысячи. Многие тысячи... Но ты молодец! — Жора хлопнул Женьку по плечу. — Наша картошка поможет германским рабочим выстоять, поможет им бороться. Товарищи комсомольцы! — обратился секретарь к комсомольцам. — Германский пролетариат ведёт борьбу не на жизнь, а на смерть с гидрой империализма. Можем ли мы остаться в стороне от этой борьбы? Кто им поможет? Есть только одна страна на земном шаре, которая помогает рабочим, это Союз Советских Социалистических Республик. Это мы с вами. Сегодня вечером Борис Лещинин доложит нам о положении на фронтах революции в Германии. Ты подготовил доклад, Борис?

— Да, подготовил, только вот карта...

Жора прервал его:

— А ну, выгружай оружие, братва!

Из вагонов полетели на насыпь мешки и лопаты.

Женька и Янек стояли, раскрыв от удивления глаза.

— Наш комсомольский субботник мы посвящаем германскому пролетариату, — продолжал секретарь райкома. — И пусть никто не подумает, что это скучное, будничное дело. Помощь товарищам по классу, по революционной борьбе — благородное дело... За оружие, комсомольцы, за лопаты! Выдайте лопаты и мешок пионерам.

Женька вздохнул и посмотрел на Янека.

— Поможем германскому пролетариату? — спросил он друга.

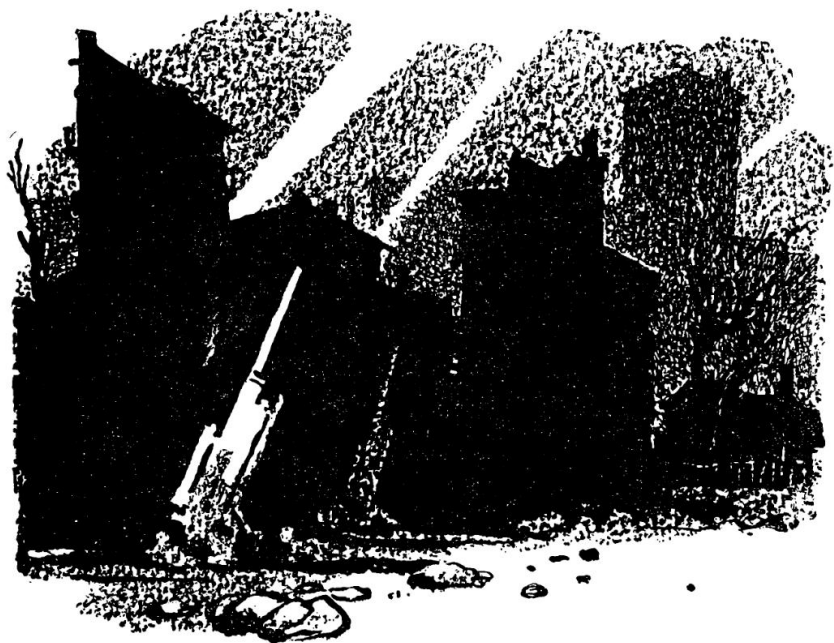
— Конечно, поможем, — ответил весело Янек и побежал за лопатой.

Женька вынул из-за пазухи свёрток, развернул его, отбросил прочь обёртку — выкройку рукава с вырванным куском.

— Возьми, Борис, карту Германии, — сказал он, — может быть, она тебе пригодится для доклада.

— И как ещё пригодится! — обрадовался Борис.

Сентябрь 1941 года... Над Москвой идут воздушные бои. Фашисты рвутся к нашей столице.

Родина в опасности!

Юноши и девушки вместе с отцами и братьями уходили в те дни на фронт и в партизанские отряды защищать самое дорогое для них — Советскую Родину.

ДЕВЧОНКА С КОСАМИ

Мама в первый день войны забежала домой, уложила в чемодан белый халат, прижала к сердцу Киру и бабушку и взяла с обеих слово, что они будут беречь друг друга.

«Война будет недолгая — скоро вернусь!» — уже на пороге крикнула мама.

Словно на ночное дежурство в больницу убежала. И папа исчез внезапно, и теперь он там, на фронте.

Первое, что сделала бабушка, — это задёрнула чёрной шторой полку с книгами на немецком языке.

«Непатриотично теперь читать немецкие книги», — решила она. И даже прекратила обязательный час разговора с Кирой по-немецки.

Вся жизнь перевернулась из-за войны. Только в школе учились по старой программе и к завтрашнему дню Кире надо подготовить «Сон Обломова».

«...И какие бы страсти и предприятия могли волновать их? Всякий знал там самого себя», — прочитала Кира и отбросила книгу в сторону. Включила репродуктор. Артистка пела арию Виолетты из «Травиаты», от которой у Киры всегда навёртывались на глаза слёзы. Бабушка сидела над раскрытой книгой, смотрела в одну точку и о чём-то думала.

— Бабушка, как ты считаешь, патриотично сейчас читать про сны Обломова, патриотично плакать над судьбой Виолетты, когда на фронте гибнут тысячи людей? Кому нужны концерты, старые книги, география?

Бабушка закрыла книгу. Посмотрела на внуку.

— Людям это нужно, чтобы не очерствело сердце, чтобы не забывали о человеческом достоинстве. Мы отстаиваем в этой войне мировую культуру, а не только жизнь человека.

— «Мы, мы»! — воскликнула Кира насмешливо. — Это мы-то с тобой отстаиваем? Мы? Прячемся каждую ночь, как мыши, в бомбоубежище. Я должна идти на фронт, понимаешь, на фронт. Я радистка, первый стрелок в школе...

— Я дала матери слово беречь тебя! — строго оборвала бабушка Киру.

— Вспомни себя, когда ты была молодая, ты рас-

суждала иначе, а меня понять не хочешь, — терзала Кира бабушкино сердце. — Старая ты, мы по-разному с тобой думаем.

Бабушка горько усмехнулась.

Для Киры её бабушка, которой стукнуло пятьдесят пять лет, была глубокой старухой. Когда человеку пятнадцать, все старше двадцати пяти кажутся ему стариками.

— Давай хоть раз поговорим серьёзно, без ссор, ведь мы всегда так дружили с тобой, — начала было Кира, но её прервал вой сирен, и размеренный голос диктора оборвал нежную песню Виолетты.

«Граждане, воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога!»

Бабушка заторопила внучку:

— Прилетел! Живо собирайся!

По неосвещённой лестнице большого дома двинулось два потока людей: старики и женщины с детьми, цепляясь за невидимые перила, спешили вниз в бомбоубежище, другие — посильнее — бежали на чердак, на крышу гасить зажигалки.

Кромешная темень окутывала город, и только в небе шарили прямые лучи прожекторов и трассирующие пули яркими стежками прошивали тёмное небо. За Москвой беззвучно полыхали огненные языки противовоздушных батарей.

В бомбоубежище женщины укладывали детей на деревянные нары, прикрывали их собою, словно птица крылом. Старики устраивались на табуретках вдоль стен.

Кира заняла своё место у дверей. Измученные за день работой и многими бессонными ночами, люди засыпали сразу тяжёлым, тревожным сном. Ни одной улыбки на лице, даже дети спят, насупив брови, закусив губы. В углу на табурете тихо плачет жен-

щина, обхватив лицо ладонями, покачиваясь из стороны в сторону. Это Мария Дмитриевна, соседка. На днях она получила траурное извещение — погиб на фронте её сын. Бабушка сидит и утешает Марию Дмитриевну.

Кире вспомнился сон Обломова. Каждый в том мире знал только самого себя. Нет, не может Кира знать только себя, не может прятаться в бомбоубежище вместе с младенцами и стариками. На фронт... на фронт...

Девушка представила себе поле боя. Она ползёт с зажигательной бутылкой в руках по густой траве, невидимая как змейка. Двигается вражеский танк, вот он уже совсем близко. Кира кидает бутылку под гусеницу. Стальная машина, задыхаясь, встаёт на дыбы, рушится, горит. Кира ползёт дальше. Перед ней второй танк. Взмах... Бросок...

Стены сотряслись от грохота. С потолка посыпалась штукатурка, и свет лампочки замигал в белой пыли.

Женщины вскочили с нар, ребята дружно заревели. Страх... страх... страх... был написан на лицах людей.

Кира встала спиной к двери, протянула руки вперёд, сиюсь сдержать толпу.

— Товарищи, остановитесь! — кричала она. В горле першило от пыли. — Товарищи, назад! — надрывалась Кира, и её голос тонул в панических криках.

— Женщины, спокойно, спокойно, — возник над толпой голос ласковый, уверенный. — Посмотрите вверх — потолок цел, лампочка горит. Бомба упала в сквере. — Это был голос бабушки, и от этого голоса, бодрого, доброжелательного, затихала паника, люди приходили в себя. Бабушка разводила женщин по

местам, смахивала с нар белую пыль, помогала укладывать детей.

«Воздушная атака отбита. Отбой! Отбой!» — раздалось наконец долгожданное.

Люди выходили на улицу, жадно глотали воздух, пахнувший свежей землёй, зеленью. Под ногами вместо твёрдого асфальта — взрыхлённая земля, дорога завалена вывороченными деревьями. В небе гасли звёзды, занималась холодная сентябрьская заря.

— Тимирязев исчез! — крикнул кто-то.

В сумраке на фоне поредевших деревьев возвышался постамент, но хорошо знакомой фигуры учёного на нём не было. Недалеко от постамента зияла огромная воронка. На площади лежал на боку искореженный взрывом трамвай. Угловой дом был разрушен, и на уцелевшей внутренней стене поблёскивал маятник на часах. Часы продолжали ходить.

Прибыли красноармейцы на машине и стали убирать с трамвайных путей вывороченные с корнем липы, разбрасывали лопатами мягкую землю.

— Здесь он! — обрадованно воскликнул красноармеец, отбросил лопату в сторону и руками стал разгребать землю.

Статуя учёного лицом вверх лежала в нескольких метрах от постамента. Кира зачерпнула осколком плафона воду, бившую из повреждённой трубы, и смыла землю с лица учёного. В гневных глазах отразились первые лучи солнца.

Бабушка разыскала Киру и потянула её домой: надо поспать перед школой. У крыльца дома толпились люди: управляющая домом объявляла, чтобы готовились к эвакуации и что школа с сегодняшнего дня закрывается. Бабушка вместе с другими пошла в домоуправление получить посадочные талоны, а

Кира побежала в райком комсомола. Сегодня она решила быть непреклонной. Не раз она была в райкоме, почти каждый день по пути из школы бегала в военкомат, и старый офицер, завидев её, ворчал: «Опять эта девчонка с косами явилась». Дались ему Кирины косы. А может быть, в них всё дело?

В райкоме былолюдно, шум стоял невообразимый. Узнав об эвакуации, мальчишки и девчонки, вся эта «недоросль», как их называли в военкомате, спозаранку явились сюда, и вот требуют послать их на фронт, на самую что ни на есть передовую.

В приёмную вышел секретарь райкома, с ним офицер с тремя шпалами на воротничке. Шум моментально смолк. Мальчишки одёрнули школьные гимнастёрки, по-солдатски подтянули ремни.

— Кто знает немецкий язык и радиodelo, отойдите к окну, — сказал секретарь райкома.

Кира отошла вместе с двумя мальчиками и девушкой.

Офицер внимательно оглядел всех четырёх и сказал:

— Девочка с косами, подойди сюда.

Секретарь райкома, офицер и Кира прошли в кабинет...

По дороге домой Кира завернула в парикмахерскую.

Пожилая парикмахерша спросила:

— Помыть?

Нет, остричь, и как можно короче, — ответила Кира, села в кресло и быстро расплела косы. Волосы рассыпались по спине и свесились почти до пола.

Парикмахерша пострекотала в воздухе ножница-

ми, собрала в горсть Кирины волосы, взвесила их на руке и бросила ножницы на мраморный столик.

— Иди домой и забудь дорогу в парикмахерскую. С такими волосами ты Василиса Прекрасная, а без них будешь лопоухим мальчишкой.

— Мне необходимо их остричь, — взмолилась девушка.

— На фронт собираешься? — понимающе заметила женщина. — А красоту всё равно губить не надо. Пусть кто другой, а у меня рука не поднимется.

— Нашли что жалеть! — вспыхнула Кира, но сидеть в очереди к другому мастеру не было времени. «Сама отрежу», — решила она.

Дома бабушка укладывала в чемодан Кирины вещи и напевала свою любимую: «Под натиском белых наёмных солдат отряд коммунаров сражался...»

— Завтра ты едешь в эвакуацию, — решительно сказала бабушка. — Такой приказ коменданта города.

— А ты? — спросила Кира.

— Я — послезавтра со вторым эшелоном. Я договорилась с Марией Дмитриевной, чтобы она заменила тебе мать и бабушку. — Голос бабушки дрогнул. — И ей с тобой будет легче перенести потерю сына. Ты будешь её слушаться, как меня.

— Хорошо, бабушка. — Кира прижалась к ней. Бабушка смахивала со щёк непрошеные слёзы.

— Я пойду с девочками попрощаюсь. Можно?

— Иди, только ненадолго, у меня вечером партсобрание, а нам о многом ещё надо поговорить.

Ровно в пять часов Кира, запыхавшись, взбежала на шестой этаж большого дома за Крымским мостом. Позвонила. Дверь открыл пожилой человек в золотых очках с толстыми стёклами. Под левой рукой у него был костыль.

«Старый и без ноги. Это не он», — подумала Кира и спросила Григория Ивановича.

— Я самый и есть, — ответил человек с костылём. — Жду девочку с косами. Как тебя зовут?

— Кира.

Сели за круглый стол. Григорий Иванович спросил:

— В военкомате была?

— Была.

— Отказали?

— Да.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Мне в четыре раза больше. И я был, и мне от-казали. Говорят — стар, говорят — обязательно две ноги должны быть у солдата, а откуда возьмёшь вто-рую, когда в девятнадцатом потерял. Не вырастет вторая. Нет? Говорят — поезжайте в эвакуацию.

— Вы своё отвоевали, вам и эвакуироваться не стыдно. А мне? — грустно вздохнула Кира.

Григорий Иванович крикнул и бросил на девуш-ку недобрый взгляд.

— Своё отвоюем, когда победим, а сейчас фашис-ты к Москве рвутся.

Кира поняла, что обидела человека.

— О задании тебе говорили? — уже мягче спро-сил Григорий Иванович.

— Нет, проверили только как радистку, об остальном вы мне скажете.

— Стирать умеешь? Гладишь хорошо?

Кира пожала плечами:

— Стираю. Мамин халат всегда я глажу, она любит накрахмаленный и хорошо отутюженный халат.

— Так... так... Мама — врач? На фронте?

— Да. И отец на фронте.

— Немецкий язык хорошо знаешь?

— Бабушка говорит, что прилично.

— Почему она так решила?

— Она преподавательница немецкого языка и меня учила. Только сейчас не работает. Послезавтра уезжает в эвакуацию.

— Ну что ж, стариков и детей надо эвакуировать, зачем их подвергать опасности... Чаю хочешь? — И, не дожидаясь ответа, Григорий Иванович пошёл на кухню.

Кира осмотрелась. Большой кабинет, тяжёлая ко-жаная мебель. На стенах фотографии. На одной Ми-

хаил Иванович Калинин пожимает руку Григорию Ивановичу, а левой рукой протягивает ему раскрытую коробочку с орденом. На другой Григорий Иванович, молодой, с обеими ногами, с кривой саблей на боку, папаха лихо сдвинута на затылок. Много фотографий Григория Ивановича в окружении детей, пионеров, рабочих.

Хозяин принёс дымящийся чайник, поставил его на круглый стол и стал шарить в буфете. Положил на тарелочку розового марципанового поросёнка.

— Отличная штука к чаю, — сказал он. — Правда, подзасох, несколько лет подряд на ёлке висел, внуки не успели съесть. Теперь мы полакомимся. — Григорий Иванович наколол сахарными щипцами поросёнка.

Пили чай. Хозяин расспрашивал гостью о школьных делах, комсомольской работе. Поговорили о спорте — Григорий Иванович болел за «Спартак», — о литературе, о положении на фронтах.

— Ну что ж, — вдруг сказал он, — на мой взгляд, мы сумеем вместе работать. А работать нам придётся в тылу врага.

— В партизанском отряде? — обрадовалась Кира и с сомнением посмотрела на Григория Ивановича — какой из него партизан без ноги.

— Отряд будет состоять из трёх человек. — Григорий Иванович серьёзно посмотрел на девушку. — Командовать отрядом поручено мне. Ты будешь держать связь с Большой землёй, третий товарищ — мой помощник: связник, шифровальщик, прачка, переводчик — мастер на все руки. Замечательная женщина. Я знал её девчонкой с косами.

Григорий Иванович вспомнил, как вместе они работали в подпольной большевистской типографии,

как сражались на баррикадах в революцию пятого года. Встретил её затем во время гражданской войны на колчаковском фронте. Потом надолго потерял из виду.

— А вчера познакомился с ней в райкоме партии. Сначала не узнал, потом пригляделся, поговорил, вижу — она вовсе не изменилась. Сегодня и ты её увидишь.

Для посторонних отряд Григория Ивановича будет обычной семьёй: мать, отец и дочка. Эта новая советская семья после нескольких дней напряжённой учёбы и тренировок в тёмную, безлунную ночь будет высажена с самолёта на парашютах на территории, занятой противником. С котомками за плечами, под видом эвакуированных они пойдут на восток, в город Н., где расположена штаб-квартира гитлеровской армии, и останутся там на жительство.

— В молодости я был часовых дел мастером, — сказал Григорий Иванович. — Теперь пригодится. Буду чинить немецким офицерам часы. Тебе с твоей новой матерью придётся стирать бельё.

— И на немцев? — испуганно перебила Кира.

— Вот именно на немцев, на офицеров. Вы должны быть отличные, незаменимые прачки, не знающие ни одного слова по-немецки.

— Я ненавижу немцев! — пылко воскликнула Кира.

— Не все немцы звери, не все фашисты. Многие с отвращением относятся к войне. Есть такие, которые не меньше нас с тобой ненавидят фашизм. Мы будем искать их.

— И вы думаете, что мы найдём таких?

— В городе, где мы устроимся, есть уже один такой друг. Он ждёт нас, чтобы передать важные сведения о планах гитлеровского командования. Он

будет вместе с нами способствовать разгрому гитлеризма.

Кира молчала.

— Очень кстати, что у меня только одна нога, — сказал с довольным видом Григорий Иванович. — Немцы не мобилизуют на работы. Очень хорошо, что у тебя косички, с ними ты выглядишь совсем несмышлёнышем. Но всякое может случиться... — добавил он, задумавшись.

Уже темнело, когда в передней раздался звонок.

— Вот пришла наша мама. Сейчас мы подробно обсудим план дальнейших действий, хорошенько познакомимся друг с другом. — И Григорий Иванович пошёл открывать дверь.

Кира сидела взволнованная и думала о большой и сложной жизни, которая ей предстоит. Справится ли она? Справится. Она будет стараться походить на ту женщину, о которой рассказывал Григорий Иванович. Вот только как бабушка? Как её предупредить? Кира ей напишет письмо, большое, ласковое. Напишет маме, чтобы та не сердилась за то, что бабушку оставили одну.

Кира слышала, как в передней Григорий Иванович вполголоса разговаривал с женщиной. И какая эта названная мать, с которой Кире придётся перенести много трудностей и лишений? Будет ли она ей настоящим другом, каким была в её жизни бабушка?

Григорий Иванович открыл дверь и сказал:

— Проходи, проходи, познакомься с нашей дочкой. Такая же девчонка с косами, какой я знал тебя. И даже похожа.

Кира встала со стула и обмерла: в дверях стояла её бабушка.

— Ты зачем здесь? За мной?

— А ты как сюда попала?

— Э, да вы, оказывается, знакомы? — удивился Григорий Иванович.

— Это ж моя внучка, Кира, я тебе о ней говорила.

— Нет, теперь это уже не внучка, а родная наша дочка. — Григорий Иванович снял очки, вынул из кармана платок и стал протирать их. — Райком комсомола нам её рекомендовал.

Красивы Карпатские горы!

Хорошо побродить в солнечный летний денёк по лесам, полюбоваться на хороводы стройных ёлок на полянах, забраться на развесистый тенистый бук и послушать стук дятла, передразнить кукушку.

А зимой?

Зимой ленивое солнце поздно встаёт из-за гор, а пионерам и октябрятам лениться некогда. Зимой у ребят горячая пора. И у октябрёнка Олеси тоже...

ЛЕНИВОЕ СОЛНЦЕ

— **М**аленькая у нас донька, — сказал отец, когда Олесе пришла пора идти в школу. Сильной рукой он приподнял дочку к самому потолку и осторожно опустил к себе на плечо.

— Трудно ей будет каждый день ходить в школу, — вздохнула мать. — Богдан — дело другое, он хлопец крепкий.

Первый раз Олесю повёл в школу отец. Богдан шагал впереди, с новой жёлтой сумкой в руках, набитой книгами.

Шли лесом, всё куда-то вниз по узкой тропинке и

наконец вышли на широкую дорогу, в долину. Олеся оглянулась и ахнула. Отсюда, снизу, гора, на которой они жили, выглядела по-иному. Огромная, молчаливая, она чуть поблёскивала золотисто-зелёной чешуёй, а каждая чешуйка — это большая ель или пихта — мудрина. Много горных вершин окружает долину, и все они разные и все красивые, но лучше всех гора Тросян, на которой живёт Олеся.

— Тросян, наикрасивейшая вершина на Карпатах, — сказал Богдан, и отец в знак согласия кивнул головой.

Родной край, где ты родился и живёшь, всегда кажется милее всех; потому что ты любишь то, что хорошо знаешь.

Весело было ходить в школу рано утром, когда солнце просовывает сквозь чащобу свои длинные лучи, шарит по траве и кустам, румянит ягоды брусники, золотит и чернит загаром шляпки грибов, подсушивает орехи, которые висят на ветках гроздьями, как виноград.

Но долго лакомиться ягодами и набивать орехами карманы нельзя — опоздаешь в школу, не пустят на урок и потеряешь час чудесной жизни.

Олеся научилась просыпаться вместе с Богданом очень рано и каждый раз в один и тот же час. А солнце стало запаздывать. Ребята уже в школу идут, а оно только поднимается из-за горы. Когда же облетели жёлтые листья с буков и лип, осыпались золотые иголки с мудрин, солнце стало подниматься ещё позже и уж совсем разленилось, когда на землю лёг снег и ёлки натянули на свои лапы белые варежки.

Сладко спится возле тёплой печки зимой. Никак не хотят открываться глаза, а мать тормозит:

— Вставай, донька, вставай, сынку, в школу пора!

— В школу пора! — весело откликается Олеся, вскакивает с постели и бежит умываться. С лица и рук со звоном сыплются в железный таз капли воды.

Богдан поднялся с постели и застонал. Вчера вечером колол дрова, толстый чурбан свалился и придавил ему ногу. Большой палец распух — сапог на такую ногу не натянешь.

Мать осматривает палец:

— Придётся тебе дома посидеть, нельзя с такой ногой в школу идти.

— Я должен сегодня отнести в школу жменью бобов, весной мы их будем сеять.

— До весны ещё далеко, десять раз успеешь, — отвечает мать.

Богдан чуть не плачет:

— Мы в классе сговорились заготовить семена раньше всех.

— Я тоже должна жменьку бобов принести, мы тоже сговорились собрать прежде всех, — признаётся Олеся.

Отец сидит на скамейке, натирает суконкой лыжу и посмеивается.

— Тату, — обращается Олеся к отцу, — проводи меня сегодня до школы.

— Нет, донька, мне на работу надо, совсем в другую сторону. У каждого свои обязанности. Одна дойдёшь?

— Дойду, — отвечает Олеся дрогнувшим голосом. Богдан повеселел:

— И мои бобы отнесёшь?

— Отнесу.

Отец развязывает мешок, что стоит в углу.

— Подставляй-ка руку, насыплю.

Олеся протягивает маленькую ладонь — на такой и десять бобов не поместится. Отец запускает свою

большую руку в мешок и насыпает в сумку Олеси щедрую горсть бобов.

— Вот тебе твоя жменя, — приговаривает он и опять опускает руку в мешок, — а вот тебе жменя Богдана, — добавляет отец и с сомнением смотрит на свою любимицу.

— Донесу, — уверяет Олесь, — у меня книг немало!

— Не застрашишься одна идти через лес? — беспокоится мать.

Олесь тихонько вздыхает:

— Нет.

— Ты иди по стёжке, что я вчера протоптал по свежему снегу, — говорит отец, — и никуда не сворачивай.

Олесь быстро съедает пшённую кашу, натягивает лыжные шаровары, сапоги, надевает ватную куртку. Мать достаёт с полки октябрятскую звёздочку. Очень красива звёздочка: пять красных сверкающих лучей и в середине маленький портрет кудрявого мальчика в белой рубашке — Володи Ульянова. Звёздочка — самое большое сокровище в избушке лесоруба.

— Смотри не оброни, — предупреждает мать, прикалывая к платью девочки звёздочку. Сверху закутывает дочку в шаль-хустину и завязывает за спиной концы крепким узлом. — Счастливого пути, донька! В добрый час!

— До побачення! — отвечает Олесь и выходит из дома.

Темно и холодно. В чёрном небе синие звёзды. Наверху шумит ветер, кажется, будто над вершинами деревьев проносятся поезда, а внизу потрескивают ели — жалуются на мороз. Олесь старается поднимать ноги повыше, чтобы попасть в след, проложенный отцом. Сделает два-три шага и поглядит на

небо — не гаснут ли звёзды, не просыпается ли солнце. На бархатном небе вынырнул месяц и, как малое дитя, лежит, задравши вверх ножки.

Кто-то прыгнул впереди Олеси. Сердце замерло, ноги споткнулись.

«Какой-то зайчишка меня испугался и ускакал, не понял, что я сама его боюсь... И хорошо, что не понял, — думает Олеся, поднимаясь из сугроба. Она отряхнула куртку, засунула руку под шаль — на месте ли звёздочка. — Лучше понесу её в руке», — решила Олеся, отколола звёздочку и крепко зажала в кулаке.

Когда они шли в школу вдвоём с братом и весело болтали, ей казалось, что в лесу тихо-тихо, а теперь она идёт одна — и всё кругом шумит, шуршит, трещит, звенит...

«А кто же это стоит впереди на стёжке и ждёт? — вглядывается в темноту Олеся. — Какой смешной, толстый, в белой шапке. Может, это дед-мороз вышел встречать её, а может, медведь?» Олеся остановилась. Фигура не двигалась. Олеся сделала несколько несмелых шагов... Ну как она сразу не узнала разбитую молнией сосну, на которую придумщица зима нахлобучила снежную шапку! Поскорее бы выбраться на большую дорогу, там ждут её ребята. Олеся заторопилась, сделала неловкий шаг, зацепилась ногой за пенёк и сунулась обеими руками в сугроб по самые локти.

Выбралась из снега и почувствовала, что в кулаке нет звёздочки. Обронила!.. Потеряла октябратскую звёздочку!

Олеся пошарила по снегу руками и засунула руки в колючий сугроб. Нет... Хотя бы солнце чуть по светило, помогло бы искать, но ленивое солнце всё ещё спало.

Нет, не сойдёт Олеся с места, пока не найдёт свою драгоценную звёздочку, не может она явиться без неё в школу. Олеся снова и снова засовывает руки в сугроб, ищет, ищет. Слёзы катятся из глаз.

Деревья раскачивают свои вершины, сметают с неба звёзды одну за другой. Темнота заползает под кусты, залезает в ямки, видно, чувствует, что скоро проснётся солнце. Девочка дует на иззябшие пальцы и смахивает слёзы. Она будет дожидаться здесь до света, а потом найдёт свою звёздочку и что есть духу помчится в школу.

Между деревьями мелькнул огонёк, и светлый луч быстрее белки стал бегать по стволам, по кустам, словно кого-то искал. «Это солнце, — обрадовалась Олеся. — Вот хорошо!» Но луч перестал прыгать по деревьям и закружился, чертя большой круг.

Послышались голоса. Нет, это не солнце, а Павло и Марийка, а с ними и другие ребята с соседних гор. Не дождавшись Олеси и Богдана, пионеры пошли им навстречу.

И сразу улетели страхи. Олеся рассказала про свою беду и попросила отнести в школу бобы.

— Я буду ждать здесь солнце, чтобы разыскать свою звёздочку.

— Зачем ждать? — воскликнул Павло. — Мы схватим по жмене-другой снегу и отыщем. Ну-ка, ребята, складывай сумки под деревом. — Павло осветил фонариком.

Ребята стали в круг и принялись горстями выбрасывать снег. Работали быстро и только носами пошмыгивали. Павло светил фонариком, тьма уползала за круг, за ней блестящими брызгами летели снежные комья. Марийка схватила пригоршню снега и уже хотела перекинуть через себя, но почувствовала в руке что-то твёрдое.

Так и есть — звёздочка!

— Ура-а-а! — закричали ребята, и от этого ликующего крика какая-то птица, а может быть, белка переметнулась на другое дерево, и с веток запорошил снежок.

— Давай твою сумку, а ты носи звёздочку, — предложил Павло.

И пионеры гуськом побежали по стёжке, которая темнела на снегу, и в сумке у каждого тарахтели сухие бобы.

Школьники сбегали с гор на широкую дорогу, где были расставлены дежурные пионерские посты. Они отмечали, все ли ребята прошли в школу, не заблудился ли кто. Большие грузовики с жёлтыми глазами замедляли ход и осторожно объезжали эту живую, громкоголосую и весёлую реку.

Даже солнцу стало не до сна. Оно выглянуло из-за горы и покраснело от стыда. Проспало! И солнце принялось старательно раскрашивать пригорки и деревья, зажгло каждую снежинку и иголку инея, выкрасило в оранжевый цвет крышу школы. В долине стало светло и празднично, и даже Олеся простила солнцу его зимнюю лень.

В пионерской комнате выстроилась длинная очередь. Все классы втайне друг от друга сговорились быть первыми в сборе семян, и все разом принесли по жмене бобов. Вот смеху было! Крепкие, как камешки, бобы с грохотом сыпались в ящики из школьных сумок, из карманов. Щедрые у всех жмени!

Прозвенел звонок. Ученики развесили шапки, пальто и шали на деревянной вешалке, возле жаркой печки, и уселись за парты.

Начался урок арифметики. Ребята в первом классе вынули из сумок палочки-считалочки, перевязанные ниткой, как вязаночки дров. У Олеси палочки

были буковые, и Богдан так хорошо отполировал их, что Олеся всегда хотелось их лизнуть.

— Ученики собрали шесть ящиков бобов, а потом ещё три. Сколько всего ящиков бобов собрали ученики? Считать без палочек. Задача трудная. Будем думать, — сказала Ганна Андреевна.

Ученики положили руки на парты и стали думать.

Олеся считала, считала и решила, что будет девять. В это время солнечный луч заглянул в класс, разыскал Олесю и стал как палочкой-указкой водить по таблице с цифрами. Остановился на цифре «8».

— Олеся, скажи, как ты решила эту задачу? — спрашивает учительница.

— К шести прибавить три будет восемь.

Разом поднялось вверх двадцать две руки и протестующе зашевелили пальцами.

— Неправильно! — строго сказала Ганна Андреевна. — Подумай ещё немножко.

Солнечный луч соскользнул с парты и юркнул за окно.

— Шесть прибавить три будет девять, — отвечает Олеся и сердито смотрит в окно.

Второй урок — диктант.

Ганна Андреевна ходит по классу и диктует:

— «Я живу у Радянському Союзу».

Чуть слышно скребут перья по бумаге, старательно пишут дети.

— «Москва наша любя. Москва наша славна», — диктует Ганна Андреевна.

Солнце заглянуло снова в класс и у каждого посветило октябрятскую звёздочку.

Олеся написала букву «М» и задумалась. Какую букву писать дальше? Солнечный луч запрыгал указкой по таблице с азбукой,

— Когда ты нужно—тебя нет, а теперь мешаешь и неправильно подсказываешь, — прошептала Олеся солнцу. — Ну, тебя! — Она хотела смахнуть луч с парты, но он не смахивался.

После уроков Олеся сидела в пионерской комнате и готовила уроки. Первый класс дожидался, пока у старших кончатся занятия, чтобы всем вместе идти домой.

Весёлой ватагой возвращались из школы. Расходились по стёжкам к себе домой.

— Завтра утром мы за тобой зайдём, жди дома! — крикнул на прощание Павло.

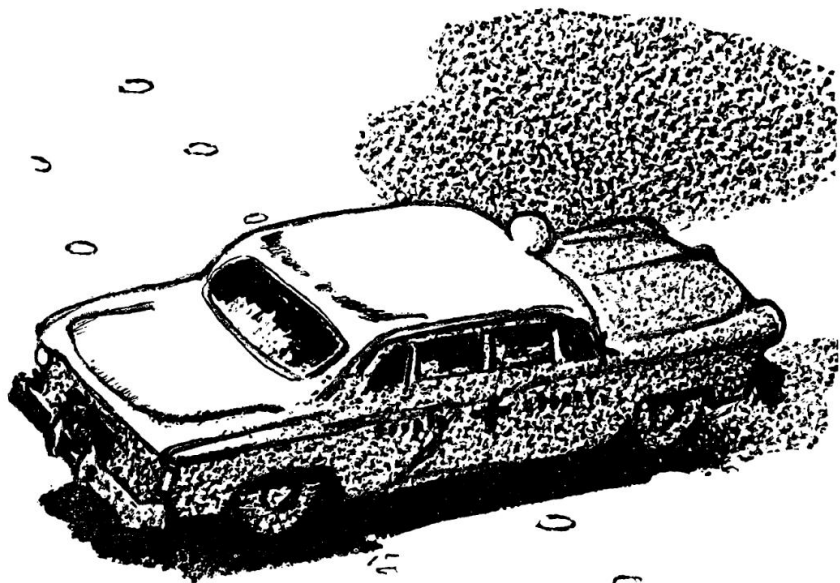
Солнце бежало вслед за Олесей, оно покраснело от мороза и светило так, что больно было смотреть на снег.

— Ладно уж, — сказала Олеся солнцу, — не подлизывайся. У каждого свои обязанности. Спи себе зимой, зато летом у тебя работы будет много. Летом тебе надо постараться над нашими бобами, чтобы был хороший урожай.

Олеся подошла к дому, и, как только поднялась на крыльцо, солнце устало улыбнулось и кувыркнулось за гору — спать до утра.

— До побачення! — помахала ему вслед рукой Олеся.

Это совсем обыкновенная история, и выдумки в ней нет. Изменены только имена ребят и адреса. Изменены, потому что каждый на их месте поступил бы так же: и ты, и твой сосед по парте, и девочка с чёлкой, которая живёт этажом ниже тебя. Может быть, ты со своими товарищами сделали бы это по-другому, с большей изобретательностью и быстротой, но обязательно сделали бы.

Только равнодушный поступил бы иначе, а их у нас не так уж много.

Итак...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Всем хорошо в субботний вечер, а вот Галке скучно.

Папа с мамой в театре, старший брат Степан на кухне гоняет по всему земному шару, даже Серёжка ушёл на день рождения к Люде, а у Галки одна обязанность — спать. А если спать не хочется?

Галка выскользнула из-под одеяла, взобралась на подоконник, натянула на колени ночную рубашку. По мокрому асфальту двигались вереницей машины, похожие отсюда, сверху, на красноглазых черепах, по тротуару плыли зонтики, блестели в свете фона-

рей под дождём плащи, липы стряхивали в лужи позолоченные листья.

Все куда-то спешат, куда-то едут, а вот Галке приказано спать.

На противоположной стороне улицы кафе «Молодость». За большими зеркальными окнами нарядные девушки и молодые люди сидят за столиками и потягивают через соломинку из высоких стаканов лимонад, маленькими ложечками едят мороженое. Другие танцуют. Им весело, они счастливые и всё потому, что им больше шестнадцати. А почему пить лимонад и есть мороженое вечером детям до шестнадцати запрещается? Когда это Галке будет шестнадцать? Через пять лет. Это почти так же долго, как через сто.

Галка расплела косу, связала волосы на затылке лентой. Получилась вполне модная причёска. Ночная рубашка может сойти за бальное платье. Вот бы Галке теперь в это кафе... У окна освободился столик. Теперь за него сядет она, Галка, попросит себе лимонаду и четыре порции мороженого. Потом пойдёт в кино, где «детям до шестнадцати...».

За дверью слышались шаги. Галка спрыгнула с подоконника, нырнула в кровать, укрылась с головой одеялом.

— Эй ты, дрыхалка, вставай скорее. — Степан тормошил сестру.

Галка высунула голову:

— Маме хочешь наядбедничать?

— Да нет, быстрее одевайся, сбегай к Люде, позовёшь Серёжку и всех ребят. Чтобы одна нога здесь, другая — там. Живо!

«Наверно, опять Кубу поймал и хочет перед ребятами похвастаться, — подумала Галка, натягивая чулки. — Мог бы и через меня передать».

Выбежала на площадку, спустилась этажом ниже. Гости у Люды только что сели за стол. Людина мама готовилась разрезать торт, на котором пристроился шоколадный заяц.

— Вот хорошо, что пришла,— сказала Люда. — Проходи сюда, Галочка.

Серёжка бросил на сестру уничтожающий взгляд — кто её сюда приглашал?

Галка посмотрела на торт и вздохнула.

— Степан велел всем живо к нему идти, он с самим Фиделем Кастро разговаривает, — сфантазировала Галка.

Ребята вскочили из-за стола и помчались вверх по лестнице.

Степан выстукивал на радиоключе тире и точки. Над передатчиком мигала красная лампочка. Не обращая внимания на ребят, он схватил карандаш и стал что-то записывать в журнал и снова застучал на ключе. Наконец снял наушники и повернулся к ребятам. Вид у него был обеспокоенный.

— У моего друга в Донецке сегодня родился... вот забыл спросить — сын или дочка... в общем, ребёнок родился, маленький и слабый. Жизнь младенца и матери в опасности. Нужно лекарство. Срочно.

— Маленький... слабый?.. Умереть может, — ахнула Галка.

Ребята переглянулись.

— Не болтать, а действовать! — предложил Степан. — Распределите аптеки. Серёжа пойдёт по улице Горького, Люда поедет на Ленинский проспект... — Степа называл улицы, ребята шёпотом повторяли. — Вот здесь мудрёные названия лекарств, я их вам запишу. Вот деньги. Если будут затруднения — звоните мне. Ответственным дежурным у телефона назначается Галка. Всё понятно?

— Понятно! — хором ответили ребята и побежали.

— Смотри не засни, — сказал Степан Галке и снова сел за передатчик.

Галка сердитыми глазами посмотрела на брата и пошла в переднюю к телефону. Всегда ей достаётся самая скучная обязанность. Очень интересно сидеть в пустой передней, смотреть на телефон и ждать, ждать...

У Галки от напряжения стали слипаться глаза.

Неожиданно раздался звонок, да такой громкий, что Галка вздрогнула.

— Ответственный дежурный слушает, — сказала она в трубку.

— Галка, скажи Стёпе, что в аптеке у Белорусского есть лекарство номер один, но без рецепта не дают, — послышался голос Серёжки.

Галка положила на стол трубку и побежала на кухню. Степан, подняв голову и зажмурив глаза, выстукивал точки и тире. Галка постояла минутку и, не решившись прервать брата — он этого не любил, — вернулась к телефону.

— Дай аптекарше честное пионерское, она поверит без рецепта.

Серёжка вздохнул и положил трубку.

Телефон уже не умолкал. Разведчики со всех концов города сообщали одно и тоже — лекарство без рецепта не дают.

Галка, не тревожа Степана, сама отдавала распоряжения:

— Дайте честное пионерское... Не помогает? Разыщите доктора, без лекарства не возвращайтесь.

...Серёжка вышел из телефонной будки и остановился в раздумье.

Мимо катили машины, моросил дождь...

Он хотел перейти улицу, но на всех светофорах загорелся жёлтый свет, машины тормозили, жались к тротуару, где-то вдалеке завывала сирена. Неслась машина «скорой помощи».

Серёжа даже не помнил, как он очутился на середине мостовой, как поднял руки навстречу ревущей машине. Заскрежетали тормоза, шофёр онемел от гнева, а потом, высунувшись из окна, крикнул: «Сумасшедший!» — но Серёжка уже открывал дверцу.

— Возьмите меня с собой, я вам объясню, — бормотал он.

Врач хотел вытолкнуть дерзкого мальчишку, но потом что-то прочитал в его глазах, подвинулся на сиденье, освобождая место для мальчика, и сказал шофёру:

— Поехали!

Шофёр продолжал ругаться, сирена под его пальцами выла гневно, распугивая прохожих. Врач всё понял сразу, вынул блокнот и велел шофёру поворачивать назад, к аптеке.

Через несколько минут перед Галкой зазвонил телефон.

— Галочка, Галка, — кричал радостно Серёжка, — достал, честное пионерское, достал, скажи Стёпе, бегу домой.

И снова звонок.

— Ответственный дежурный слушает.

— Я тебе покажу ответственного дежурного. Галка, что за безобразие, почему не спишь? — Голос у мамы был сердитый. — Уже одиннадцатый час.

— Телефон занят по важному делу, — храбро

ответила Галка и повесила трубку. «Что же Люда не звонит?»

А Люда, отчаявшись уговорить дежурного аптекаря, который всё время упоминал какую-то инструкцию, стояла у телефонной будки и просила прохожих разменять ей десять копеек на двушки. В кино напротив кончился сеанс. Люда поспешила к кинотеатру.

— Товарищи, у кого есть двушка, то есть двухкопеечная монета, мне надо позвонить по важному делу.

Женщины стали рыться в сумочках, мужчины в карманах. Со всех сторон Люде протянули монетки.

— А что это за важное дело? — поинтересовалась женщина.

— Понимаете — умирает ребёнок и его мама, а в аптеке не дают без рецепта лекарство.

— Как это — не дают?

— Что за формализм!

— Пойдёмте в аптеку.

В аптеке набился народ. Аптекарь был неумолим. Одна решительная женщина позвонила в Городской отдел здравоохранения и быстро уладила дело.

Люда, прижав лекарство к груди, ехала домой.

И вот оба лекарства в кухне на столе. Степан осторожно рассмотрел коробочки и стал их упаковывать.

— Кто поедет в Аэрофлот?

— Я поеду.

— Я...

— Я...

— Ну все так все, — согласился Степан.

— А я? — робко спросила Галка.

— Ты тоже. Через полчаса мой друг выйдет в эфир, и я смогу его обрадовать. — Степан что-то написал на посылке.

Галка прочитала:

— «УТ-5-ЗА». Это что?

— Так зовут моего друга, — ответил загадочно Степан.

...В просторных залах Аэрофлота былолюдно, несмотря на поздний час. Пассажиры сидели на диванах, на мягких стульях за столиками, в спокойном и уверенном ожидании. Завтра все они будут в разных концах Советского Союза: одни на курорте побегут купаться в море; другие наденут меховые шубы и двинутся дальше на аэросанях; третьи спустятся в шахты и будут испытывать новый угольный комбайн; четвёртые раскинут палатки в степи, чтобы начать строить новый город.

— Рейсовый автобус на аэродром ушёл несколько минут назад, — объяснил ребятам дежурный диспетчер.

— В Донецке умирают мать и ребёнок. Надо доставить лекарство!

Ребята волновались, и Галка горячилась больше всех.

— Маленький и слабый, — подсказывала она.

Диспетчер сдвинул очки на лоб.

— Ни одной свободной машины, ни одной. Я только что отпустил шофёра.

— Я здесь, — отозвался пожилой человек с усталым лицом. — Раз такое дело, поедем.

Шестеро пионеров сидели в автобусе и, подавшись вперёд, с надеждой поглядывали на шофёра и с ненавистью на красные огни светофоров, возникшие, как назло, на каждом перекрёстке.

Выехав за город, шофёр прильнул к ветровому стеклу и гнал машину, как «скорую помощь».

Вот и аэродром.

В чёрном небе, словно яркая рябина, рассыпаны сигнальные огни, плывут по небу зелёные, красные звёзды, самолёты над аэродромом кружатся, как ночные бабочки. Одни набирают высоту, другие идут на посадку.

— Где же самолёт на Донецк? — спросил Серёжка у дежурного.

Дежурный посмотрел на небо.

— Разве разглядишь? Где-то там, набирает высоту. А вы что, всей компанией лететь в Донецк собрались? — поинтересовался он.

Ребята объяснили.

Дежурный посоветовал пойти к Марии Ивановне. Она женщина всемогущественная, отправляет во все концы нашей страны газету «Правда», чтобы

люди даже в самых дальних городах и посёлках получили газету в тот же день. Завтра воскресенье. Газета большая. На последней странице фотография весёлых малышей в детском саду. И Мария Ивановна понимает, что малыш из Донецка тоже должен пойти в своё время в детский сад, но прежде всего он и его мать должны выжить.

Вместе с ребятами она побежала разыскивать лётчика, который повезёт газеты в Донецк.

И лётчик — молодой, весёлый — тоже понял, что нельзя дать погибнуть малышу и его матери.

— «УТ-5-ЗА», — прочитал он и пожал плечами. — Это же позывные, а как зовут человека?

Ребята не знали, не знал этого и Степан, поймавший в эфире призыв о помощи. Лётчик попросил у ребят разрешения проверить, что в пакете. Бывают такие пакеты, от которых самолёт может упасть на землю.

— Как вы думаете, надо проверить? — спросил он ребят.

— Конечно.

— Порядок! — сказал лётчик, завернул коробочки и уложил их в нагрудный карман под меховой жилет.

...Улица Горького затихла. Огни в домах давно погасли. Только в одном доме светятся два окна. Радиолюбитель Степан сидит у своей коротковолновой радиостанции и, прижав наушники к ушам, ловит сигналы.

Людина мама сидит за праздничным столом, читает книгу и ждёт гостей.

Шестеро пионеров идут по пустынной улице. Они не замечают холодного морозящего дождя, они спешат домой, к Степану.

Лётчик за штурвалом вглядывается в разрывы облаков, бережно поправляет в кармане драгоценную посылку.

Шагает человек по залу аэропорта в Донецке с необычным именем «УТ-5-ЗА», посматривает на часы и очень волнуется.

В родильном доме лежит мать и рядом с ней — маленький человек. Он только что появился на свет, и у него нет сил освоиться с новой обстановкой, его маленькое сердце трепещет, замирает, оно хочет жить, и ему надо помочь.

Рядом в кабинете врач. Он зашёл сюда, чтобы выкурить папиросу, и, сделав три глубоких затяжки, возвращается в палату, проверяет пульс у матери, осматривает ребёнка и тоже волнуется.

Галкины родители, вернувшись из театра, стоят у окна и ждут. Ждут детей, ждут, когда замигает красная лампочка над любительским радиоаппаратом.

— Звонят! — Мама побежала открывать дверь.

— Мигает! — радостно воскликнул отец.

— Ура, мигает! — закричала Галка на пороге.

Ребята набились в тесную кухню.

Степан принимает сигналы, записывает в журнал и читает вслух:

— Лекарства получены. Врач заверяет, что моя жена и сын будут жить. Спасибо! Спасибо, дорогие, незнакомые и родные товарищи москвичи. Большое спасибо! «УТ-5-ЗА».

Степан захлопнул журнал.

— Всё в порядке, пошли спать.

— Нет, пойдём ко мне, справим день рождения, — предложила Люда. — Мама нас ждёт.

Степан протянул руку Галке. Галка оглянулась

на маму и, увидев, что она улыбается, побежала с ребятами.

— А вот и мы! — кричит Люда с порога.

Все садятся за праздничный стол; на него уже светит солнце. Людина мама разрезает торт, на котором дремлет шоколадный заяц. Пионеры справляют день рождения.

Под крылом самолёта засверкал огнями большой город. Вокруг него горят красные звёзды на шахтах.

С аэродрома едем на такси по ярко освещённым улицам. Шахта. Кинотеатр. Телевизионная вышка. Техникум. Дворец пионеров. Дворец шахтёра. Ни одной церкви. Это новый город. Воркута.

Прекрасное будущее этого края разглядел в трудный 1919 год Владимир Ильич Ленин.

УГОЛЁК

(Рассказ пионера)

Я живу в прекрасном шахтёрском городе Воркуте, за Полярным кругом.

Ребята, которые начали изучать географию, наверно, скажут: «Вот выдумщик нашёлся. Что может быть там прекрасного? За Полярным кругом лежит насквозь промороженная тундра и даже летом, когда солнце светит день и ночь, земля оттаивает всего на метр-полтора. Там даже лук и редиска не успевают вырасти, нет там певчих птиц и несколько месяцев в году круглая ночь...

Всё это так. Я тоже об этом в учебниках читал. Но я не выдумщик. Воркута — это чудо-город. И мой дед то же самое говорит. А деду можно верить: он двадцать пять лет назад сюда приехал, строил здесь первую шахту, жил в землянке. К ним один раз даже песец в гости припожаловал; морошку они собирали прямо у порога. И ещё дед интересные истории рассказывал про печку. Затопят, бывало, печку в землянке, наполнят её углем, а сами уйдут на работу. Вернутся — нет печки, исчезла, лёд под ней растаял, и она сквозь землю провалилась.

Только сейчас ничего этого нет. За морошкой надо ходить в тундру, а за песцом к самому Карскому морю. Дед живёт сейчас с нами в отдельной квартире с ванной, с центральным отоплением, и печка прочно стоит на кухне...

Хотя и верно, что в тундре трёхлетний малыш может дотянуться до макушки самой высокой берёзки и соловьи здесь не поют, зато какие подосиновики растут у нас! Из одного гриба можно на целую семью обед приготовить, а на улицах Воркуты такие деревья высадили, что даже деду не дотянуться.

Зимой бежишь в школу, тебе вместо солнца луна светит, небо всё в звёздах, будто булавками истыкано, а если луны нет — на улицах фонари зажигают и в тундре звёзды на шахтах горят. А вечером засверкает огнями Дворец шахтёра, лучше северного сияния.

«Пурга?» — скажете вы. Что ж, пурга — дело весёлое! Если ветер в сторону школы дует — никогда на урок не опоздаешь, долетишь, как на космической ракете. А вот если дует тебе навстречу, это хуже.

Хотите, про пургу расскажу?

Раз я был дежурным почтальоном — у нас в пионеротряде каждый день почтальоны на дежурство

выходят. Из школы зашёл на почту, телеграмма срочная есть нашему знатному шахтёру Дмитрию Ивановичу, он ещё юннатским кружком у нас руководит.

Вышел на улицу — звёзды скрылись, луна помутнела. Значит, пуржить начинается. Поднялся ветер. Вижу — пурга не на шутку разыгрывается и, главное, ветер встречный. Ну, приналёг я грудью на ветер, а пурга всё сильнее, глаз не даёт раскрыть, и ветер, хитрющий, любую дырочку в одежде разыщет, чтобы снегом законопатить, и уже в портфель ко мне забирается. Что ж, думаю, так и телеграмму повредить может. Спрятал телеграмму за пазуху, иду, а дома́ уже исчезли, и перед глазами только белая метель, в ушах свист и вой.

Ветер дует двадцать метров в секунду, а человек идёт пять километров в час против ветра. Вот и посчитайте, с какой скоростью продвигается в пургу почтальон. Только простая арифметика здесь не поможет. У пионерского почтальона свой счёт.

По памяти повернул в улицу направо. Дмитрий Иванович живёт в крайнем доме, а за домом уже тундра. Шёл, шёл, уже дом должен быть, руками шарю и всё одну пургу за хвост хватаю и дороги не чувствую под ногами.

Прижал я портфель к себе одной рукой, другую выставил вперёд, как слепой, и, честно говоря, боязно стало — что́, если я между домами прошёл и иду по тундре, тогда поминай как звали. Остановиться нельзя, остановишься, пурга тебя живо засугробит. Двигаться надо. Шарю рукой — никакого дома. Неужели в тундру вышел? Повернуть обратно? А может быть, тундра позади меня?

Остановился на минутку дух перевести, да вдруг как нырну куда-то вниз, и под пимами вода захлю-

пала. От сердца сразу страх отлетел. Понял я, что попал на трубу, которая от ТЭЦ в город горячую воду подаёт. Снег над ней подтаял, и я, как дедова печка, сквозь землю провалился. Вот спасибо нашему угольку, он своим теплом выручил. Стал соображать. Трубы здесь по правой стороне улицы идут — значит, не сбился с дороги. Надо сделать шагов двадцать вперёд, и должен быть дом. Наткнулся на что-то твёрдое. Так и есть — дом! Ощупью стал по стене пробираться, пока дверь не нашёл, а пурга её так припёрла, что открыть невозможно. Побрёл я дальше, нащупал окно и стал в стекло стучать: «Открывайте, люди, пионерский почтальон телеграмму принёс!» — Здорово жильцам поработать пришлось, чтобы приоткрыть дверь.

Дмитрий Иванович был дома. Вручил я ему телеграмму под расписку — честь честью. Вижу по его лицу — радостная телеграмма.

— Хорошую весть принёс! — закричал он. — Вызывают в Москву, парень, — продолжал он, — на выставку, вместе с моими юннатами. Поедем в каникулы. И ты с нами.

— Так я ж не юннат, Дмитрий Иванович.

— Ты теперь юннатский почтальон, такую пургу осилил! Вместе поедем...

И не обманул.

В зимний лунный безоблачный день вылетели мы из Воркуты. Кроме Дмитрия Ивановича, юннатов и меня, в Москву ехала с нами большая закутанная корзина.

Прилетели в Москву, переночевали в гостинице. Утром просыпаемся, что за чудо! Солнце светит, как летом.

Каких чудес мы насмотрелись в Москве и на выставке — не пересчитать! Таких красивых шахт, как

московское метро, в Воркуте, конечно, нет. И живую корову видели, здоровущую, олень против неё как лайка. А московские юннаты нашим помидорам и огурцам дивились.

— Неужели за Полярным кругом вырастили? — спрашивают. — Как же вам удалось?

— Это у нас всё уголь делает, — поспешил я с ответом, — уголёк у нас — первый сорт.

Дмитрий Иванович рассмеялся:

— Не уголёк, а люди, шахтёры и пионеры. Уголь — он веками в Заполярье лежал, и толку от него не было, и согреть он никого не мог, пока человек его служить себе не заставил. И уголь этот от сердца зажечь надо. Тогда он ярко горит!..

В то утро Дмитрий Иванович брился особенно долго, почему-то решил сам галстуки пионерам на шеи повязать.

Повёз он нас на Красную площадь. Много раз я видел эту площадь в кино, на картинках. Но это что... Вот когда стоишь у Спасских ворот и всю площадь оглядеть можно, и над твоей головой бьют куранты, и на всех кремлёвских башнях, как на передовых шахтах, звёзды горят, — это чудо.

Вошли в Кремль, повернули на тихую улочку, вошли в дом, стали подниматься по лестнице. Дмитрий Иванович палец к губам приложил, и мы шли за ним не дыша. Какая-то женщина открыла перед нами дверь. Мы вошли в кабинет, и я сразу узнал его.

Здесь работал Владимир Ильич Ленин. Пять лет здесь работал. Вот в этом плетёном кресле сидел.

Блестящие ручки кресла пообтёрты. Последний раз Владимир Ильич был здесь 12 декабря 1922 года. В 8 часов 15 минут вечера сказал секретарю «до свидания», выключил свет и ушёл. Часы в кабинете навечно остановились на 8 часах 15 минутах.

— Да! — вздохнул Дмитрий Иванович. — Я свою семилетку за пять лет выполнил, и меня самым высоким орденом наградили, а Владимир Ильич за свою пятилетку в этом кабинете на сотни лет вперёд работу проделал и о каждом человеке и его судьбе подумал...

Подошли мы к карте, что висит на стене между окнами. Обыкновенная карта железнодорожных сообщений. Вся проколота булавками, и, если её на свет посмотреть, она будет похожа на звёздное небо зимой в Воркуте. Ленинской рукой наколота. И в каждой звёздочке мысль Ленина — и как разбить врагов революции, и где строить первые электростанции, прокладывать новые железные дороги, возводить стройки.

Я слушал и смотрел на то место на карте, где расположена наша Воркута, — просто белое пятно, как тундра зимой, и даже река Воркута не обозначена.

— Жаль, что Владимир Ильич про нашу Воркуту ничего не знал, — прошептал я Дмитрию Ивановичу. И опять поспешил.

— Э-э, нет, — просиял он. — Воркута у Владимира Ильича на ладони была, и он её видел такой, какой мы с тобой её ещё не знаем.

И услышали мы от Дмитрия Ивановича, что это было в 1919 году, в трудном году для советской власти. В те самые дни охотник-коми набрёл на берегу Воркуты на гряде чёрных камней, которые загорелись от огня костра и горели долго и жарко.

«Это пригодится нашей новой власти», — решил человек коми и отправился в нелёгкий длинный путь по тундре, в Нарьян-Мар. Дождался там парохода и попросил капитана отвезти в Москву самому Ленину маленькую посылочку.

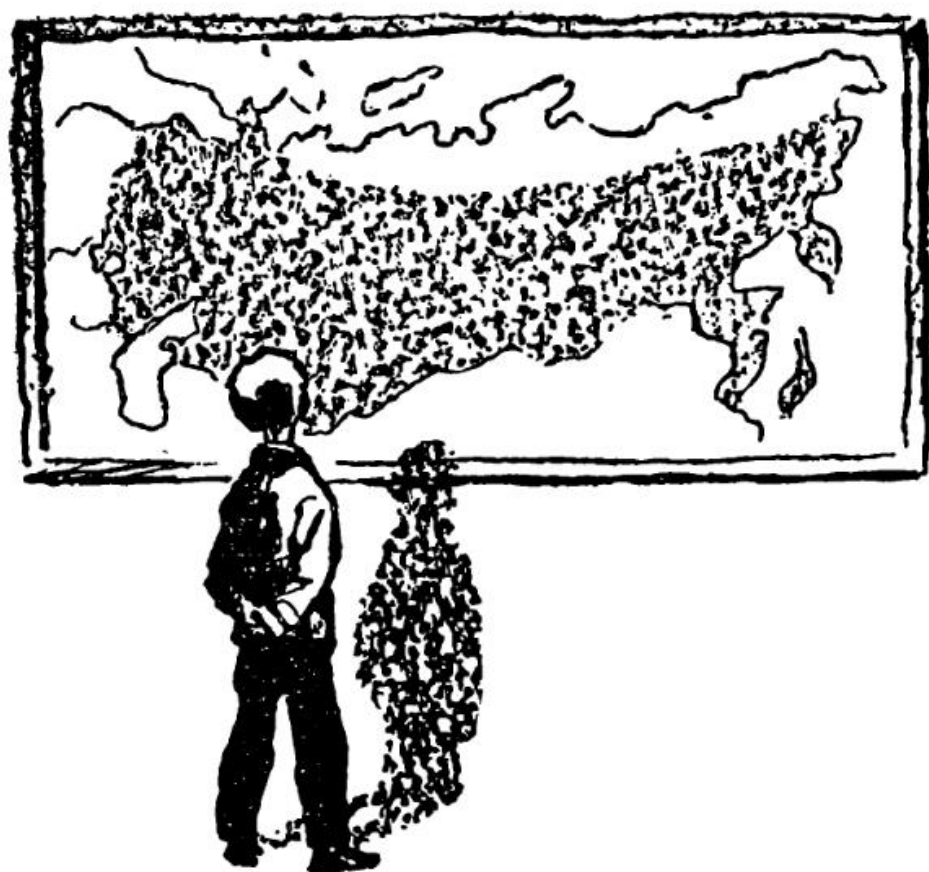
И вот здесь, в этом кабинете, развернул Влади-

мир Ильич полоску оленьей кожи, положил на раскрытую ладонь кусочек угля, всмотрелся в блестящие изломы его и увидел чудо-город в Заполярье, шахты, увидел дворцы и пастбища, услышал, как мычат стада коров, кудахчут куры, услышал, как поют певчие птицы и как звонко смеются дети...

Я подошёл поближе к карте, и мне показалось, что на белом пятне, на том месте, где сейчас обозначен город Воркута, словно маленькая звёздочка, просвечивает точка, которую наколот Владимир Ильич. И я знаю, ему очень понравился бы наш город сегодня...

Ну что, опять скажете, что я выдумщик?

Нет, я не выдумщик. Я живу в прекрасном шахтёрском городе Воркуте, за Полярным кругом. Он обозначен теперь на любой географической карте в том самом месте, где когда-то Владимир Ильич поставил маленькую точку.

СОДЕРЖАНИЕ

Ястребки	5
Красный бант	13
«Мочёные яблоки»	21
«Рот фронт»	31
Девчонка с косами	53
Ленивое солнце	67
День рождения	77
Уголёк (<i>Рассказ пионера</i>)	89

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Москва. А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Воскресенская Зоя Ивановна

ЯСТРЕБКИ

Ответственный редактор Л. Р. Баруздина. Художественный редактор М. Д. Суховцева. Технический редактор И. Г. Найдёнова. Корректоры Т. П. Лейзерович и Т. Ф. Юдичева.

Сдано в набор 26/VI 1963 г. Подписано к печати 21/IX 1963 г. Формат 60×84¹/₁₆ — 6 печ. л. 5,478 усл. печ. л. (3,94 уч.-изд. л.). Тираж 165 000 экз. ТП 1963 № 213. А10302. Цена 24 коп. Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 5184.

Цена 24 коп.